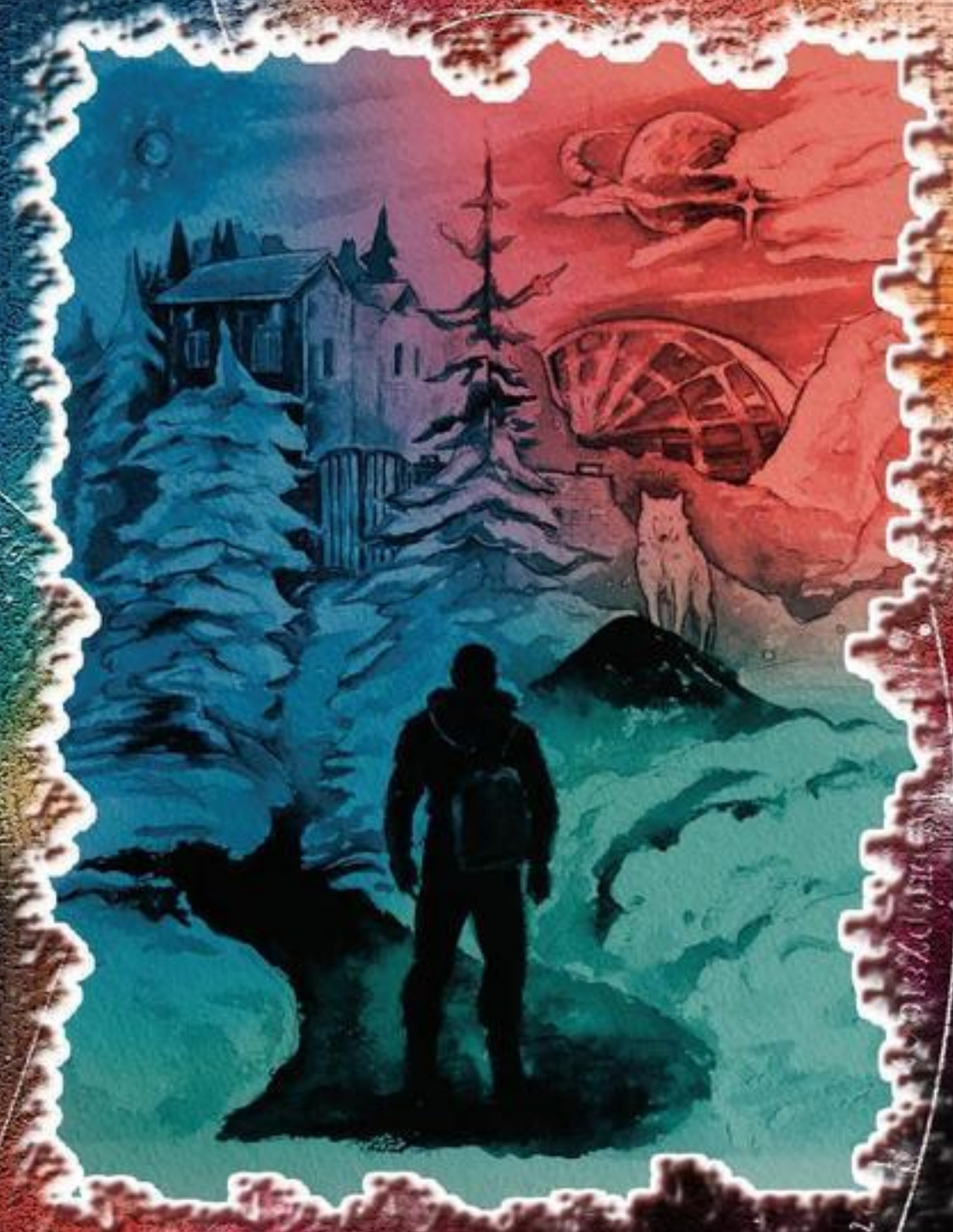

Екатерина Гуреева

ПОРТАЛ

Екатерина Гуреева

Портал

«Accent Graphics communications»

Гуреева Е.

Портал / Е. Гуреева — «Accent Graphics communications»,

Какие тайны хранит старинный готический особняк? С чем столкнулись его прежние обитатели и что ждет нового владельца? И сможет ли человек, который стремился всего лишь к спокойной жизни наедине с природой, посмотреть в глаза порождению Тьмы и выдержать его взгляд? Эти вопросы занимают читателя с первой страницы романа и держат в напряжении до самого его конца. В книге, которую вы сейчас откроете, много тайн, и разгадать их вы сможете не сразу, но тем увлекательнее чтение. История о путешествии в иные миры, о магии и вере в свои силы, без которой даже самая сильная магия не имеет смысла, всегда завораживает. В ней, конечно же, есть и предательство, и коварство (согласитесь, что за роман без коварства?), но самое главное – в ней есть любовь, есть искренняя дружба и благодарность, и они помогают выстоять перед самыми страшными опасностями.

© Гуреева Е.

© Accent Graphics communications

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	16
Глава 4	18
Глава 5	28
Глава 6	31
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Екатерина Гуреева

Портал

То, что теперь доказано, раньше существовало лишь в воображении.

У. Блейк

Глава 1

Поздний осенний вечер. Я стою в глухом лесу в западной части Канады, провинция Юкон. Под моими заляпанными грязью сапогами зловеще чернеет вода, и я стою в ней, будто над бездной, чудом не проваливаясь вниз.

Желто-охряный лист, опавший двадцать первого октября с единственного в округе ясеня, лег на поверхность воды, и бездна вновь становится обычной лужей. В спину дует довольно крепкий ветер, так что я зябну и пытаюсь ухватить полы серого плаща, которые будто стремятся еще издалека коснуться моего нового жилища.

К моменту переезда мне стукнуло тридцать семь лет. Я гляжу на уже родной канадский дом, только мой, и радуюсь чувству свободы.

У меня нет ни семьи, ни привязанности, я никому ничего не должен – как этот лист, плывущий в сторону от меня, каждой своей жилкой он говорит об своей оторванности от прежнего мира.

По профессии я фотограф. Я мечтал об этом с детства, и довольно давно эта мечта стала реальностью. Ремесло – и солидные гонорары – привели меня в Канаду. Крупное журнальное издательство оценило мои таланты – тем более что я сумел завести дружеские отношения с его основателем Тимом Харди.

Я родился в Дорчестере, административном центре графства Дорсет, которое находится на юго-востоке Англии. Но я покинул родной дом. Теперь я живу здесь, в особняке под названием «Темный бор», и в Англию вряд ли уже когда-нибудь вернусь.

В издательстве Тима Харди готовилась серия каталогов о дикой, девственной природе, и я должен был собрать для нее материал. Мне нравилось в любую погоду охотиться за ценными кадрами, применяя весь накопленный опыт. Я, как художник, передавал на бумагу то, что видел сам, и для меня всегда было очень важно найти подход к сердцу зрителя.

Так вот, забегая немного вперед: я планировал жить здесь с женой и детьми. Хотел всем сердцем крепкого уютного гнездышка. Увы, вышло иначе.

Дом находится посреди леса. Между ним и одноименным городком Темный Бор протянулась длинная артерия, прорезавшая сосновый массив, – трасса «Рок», почти два часа езды. Я не особо люблю магазины, все это бурление человеческой жизни. Я отгородился от людей и был беспредельно этому рад.

Особняк стоит на холме, возвышаясь над лесами – с соснами, елями, лиственницами, кедрами и дубовыми рощами. Здесь редко встречаются вяз, орешник, ясень, бук или каштан, поэтому выглядят чащи мрачновато, особенно в сумерках. Я чувствую, что по моей спине бегут мурашки, и не только от холода.

Я бы хотел испытывать здесь и сейчас немного другие чувства. Мне приходится выйти из лужи, войти через ворота в сад, пройти по грязной земле мимо каменного торца с черными дырами окон. Крыльцо небольшое, козырек едва укрывает его, но этого хватает, чтобы спрятаться от дождя. Дурная погода в Канаде наступила надолго. Впереди зима.

Я открываю дубовую дверь с узкими длинными разноцветными витражами, несмазанные петли скрипят от натуги. Вхожу в дом. Дверь за моей спиной резко захлопывается, и я вздрагиваю.

Этим вечером я зажигаю в доме много света: лампы, настенные подсвечники и канделябры отражаются в лаковом паркете из коричневого бука. Очень радует убранство – современность, которая переключается со старинной готикой. Но это все житейские мелочи, не имеющие для меня особой важности. Теплые оттенки охры царят в залах, гостиной и некоторых спальнях. Для холлов, коридоров нижнего и верхнего этажей декоратор предпочел приятную зелень и серебро.

По широкой лестнице я поднимаюсь наверх, поворачиваю направо, к своей спальне, ее дверь первая слева. Это уютная комната с широкой двухметровой кроватью у стены и платяным шкафом напротив, в нем есть дополнительные полочки, на которые очень удобно класть всякие мелочи, а потом брать их оттуда, не задумываясь.

Я бросаю сумку на серый ковер с коротким ворсом. Вещи разберу завтра, а сейчас не мешало бы выспаться. Дорога из Ванкувера заняла, по меньшей мере, тридцать девять часов. По дороге сюда я, конечно же, использовал навигатор и город Уайтхорс в качестве ориентира. Я очень утомился и хотел скорее отдохнуть.

Мое безделье продлится недолго, я вас уверяю. Я ведь фотограф, и моих работ сейчас ожидает модное издательство. Так что я буду вынужден довольно часто уходить в лес.

Пять долгих лет я жил не тужил в Канаде, как в доме родном. Правда, вначале долгое время перебивался на съемной квартире, но усердно откладывал на постоянное жилье. Когда встал вопрос о переезде из родного Дорчестера, я двадцать тысяч раз все взвесил, обдумал и, наконец, решился. И решил свою судьбу, крепко привязав себя к чужой – но теперь родной – стране. И ни капли не жалею.

На следующий день после завтрака я собрался изучить окрестности. Думал что-нибудь найти для будущих фотографий, но полил дождь. Мерзкий, мокрый, очень сильный. Трудно привыкнуть к этим вечно серым набухшим тучам, которые висят прямо над оголившимися кронами деревьев.

Так что время я посвятил развешиванию собственных фотокартин. Их рамы были гладкими, простыми, без всяких вычурных завитушек. Я выделил картинам скромное место возле лестницы, в гостиной слева и в маленьком закутке справа от парадного входа на три комнаты.

Я не имею привычки держать телефон в кармане одежды, поэтому нелегко было бежать в гостиную, через весь холл, с молотком и гвоздями. Но пришлось.

– О, нет! – закатываю глаза. Звонит Ивелен, моя бывшая подруга и по совместительству коллега. Мы расстались полгода назад, прервали все отношения, и я жалею только о потраченных нервах и времени: она единственная имела шанс стать моей женой, но у нее были иные ценности, нежели у меня. Свободу, близость она почему-то не считала равными понятию семьи. Выходит, для нее семья – это что-то вроде рабства, что ли?

В один прекрасный момент я устал от Ивелен и переехал сюда, а она, кажется, ничего не заметила.

– Слушаю! – задумчиво отвечаю я.

– Привет, дорогой мой! Как ты? Как поживаешь? Наконец до меня дошли слухи о твоём тайном переезде. Нет ничего и никого, что ускользнуло бы от меня.

Я дышал в телефон, не говоря ни слова в ответ. Ивелен продолжила:

– Ты можешь и дальше молчать, Майк, я все пойму...

– И даже то, что мы больше не вместе?

– Злюка! Почему? Что я пропустила?

– Все! От моих слов до моих действий по отношению к тебе. Я говорил, что куплю для нас дом, и мы сможем вместе...

– Жить, бла-бла-бла... – ехидно прервала она. – Я это слышала не раз и не два. Ничего не меняется. Он хочет! А ты меня спросил, чего я хочу?

– Не единожды, дорогая. Думаю, не стоит ворошить прошлое, полгода – срок немалый. Не имеет смысла начинать то, что давно закончилось.

– Нет, вы только послушайте! Я на него годы потратила, а где компенсация за моральные издержки? Кто возместит мои страдания от затянувшегося одиночества?!

– Ты о командировке или обо мне? – любопытно я.

– О тебе, красавчик. Я скучаю. Приезжай, а? – нежный голосок заставляет меня улыбнуться.

– Ты спятила от воздержания? Я сейчас у черта на рогах. Но даже если бы я был рядом, вряд ли это что-нибудь изменило, Иви.

Наш разговор прерывает собачий лай. Я стремглав выбегаю на улицу в одних шортах и майке.

Сад отгородился от напирającego темного леса двухметровым железным кованым забором. Крупному животному ни за что его не перемахнуть, даже если очень постараться. Поэтому я успокаиваюсь, оцениваю все прелести октября, что называется, на собственной шкуре и заинтересованно разглядываю клумбу, разбитую в виде идеального круга. Клумба сама по себе совершенно обычная, ничем не примечательная, кроме одного: пушистые прихотливые цветы на ней, казалось, совсем не замечают холода. Очень странно!

Выдохнув изо рта бледное облако пара, я возвращаюсь в дом, не обращая внимания на стихающий лай.

У меня понемногу рождаются планы на следующий день. Они ничем не отличаются от вчерашних – лишь бы только не полил дождь.

Рано утром я с привычным задором отправляюсь на улицу делать зарядку. Пробежка на свежем, даже ледяном воздухе бодрит похлеще контрастного душа, который в моем списке числится следующим. Это обычные правила, по которым я живу.

Обязательно когда-нибудь отправлюсь на разведку местности дальше своих пеших пределов. По дороге сюда я обнаружил потрясающий вид на высокие снежные горы, озера, сверкающие лазурью под лучами солнца, реки, рябь которых напоминала переливающееся серебро.

Вечером я всерьез задумываюсь над ужином. Еды немного, в холодильнике стоит бутылка молока, расфасованная морковь, лук-порей, хлеб на обеденном столе – этого как-то маловато для мужчины. В семь часов я намыливаюсь в городок. Я один раз уже там побывал – заезжал на бензоколонку, и все. Теперь пришло время навеститься с визитом в магазин.

Зарываюсь носом в вязаный свитер, раскрываю настежь ворота, высвобождая просторный проезд для машины. Я люблю свой старенький Jeep Grand Cherokee ZJ 1998 года. Надежность – его главное достоинство.

Подхожу и застываю в мучительных думках у двери автомобиля. Иногда интересно проследить за собственными действиями, осознать, что ты не поступаешь механически, по инерции. Сейчас мне придется катить в потемках через глушь, а потом еще обратно, зная: случись какая беда, никто ко мне не приедет. Я совсем один. Если ехать осторожно, доберусь до дома уже далеко за полночь. Ну, ладно, я не трус, в темноте приступов паники за собой не помню, а значит, все будет в порядке.

Возвращаюсь чуть раньше одиннадцати.

На крыльце и в холле горит свет – я оставил его, и он был для меня как маяк в лесном мраке. Вынимаю из багажника два пакета, до отказа набитых продуктами, и тут случайно замечаю лишний источник освещения. Из окон гостиной струится свет, он падает на темную землю белыми пятнышками. Странно! Я не помню, чтобы оставлял свет и в гостиной. Мое упущение. Не накручивая себя заранее, подхожу к двери и открываю ее. Все в порядке. Я дома.

Раскладываю продукты по полкам серебристого холодильника и некоторым ящикам на кухне. Окна выходят на боковую дорожку сада. К широкой раме тянет пушистые ветви высокая лиственница, она даже выше черепичной крыши. На самом верху, на чердаке, мне еще не довелось побывать, хотя агент по продажам Билл Донатан любезно предложил провести экскурсию перед покупкой. Но я решил, что там, как и в любом старом доме, наверняка свален старый хлам, ящики, набитые неинтересными вещами прошлых владельцев, и все это покрывает пыль толщиной с бутерброд.

В месте, предназначенном для готовки, стоит обеденный стол. Я за ним буду теперь есть – так сказать, не отходя от кассы. Мне удобно, единственное, что разочаровывало, это лестница

напротив. Кто-то «выдающийся» спроектировал кухню на задворках холла – и это было весьма неудобно, по крайней мере для меня.

Я принимаюсь уминать наскоро приготовленный ужин: вареные овощи, бутерброды со сливовым джемом и ароматный зеленый чай с мятой. В моем меню совсем нет мяса. Кто-то называет меня вегетарианцем, но я считаю себя просто морально здоровым человеком, который не поедает ничью плоть. Это мой выбор.

Было спокойно, довольно безмятежно и даже сиротливо. Может, питомца завести? Собаку, например. Только сначала ту отловить надо, которая здесь бегаёт, чтобы спать не мешала. Интересно, откуда она вообще взялась?

И вот наступает момент, когда ты остаешься наедине с собой, со своими завихрениями, страхами и сомнениями. Я ужинаю, думаю о невыключенном свете в гостиной и вдруг слышу шаги над головой. Удивляясь, я перебираю в памяти все левое крыло второго этажа: там находится кабинет, еще одна комната напротив, каморка для швабр, винтовая лестница на чердак – вот и весь список, кажется! Точно, я вспомнил: надо мной располагается кабинет.

Вилка случайно выскальзывает из пальцев и шумно падает на дно тарелки. Наверху все стихает. Проверить, что ли? Трус уже залез бы под стол, но я же не боюсь скрипов и шума старых домов. Тем более что здесь никого не должно быть.

Наверху было определено беспокойно: почему-то один из настенных светильников мерцал возле приоткрытой двери в злосчастный кабинет. Зачем здесь вообще кабинет? Кто мог в нем работать? Как по мне, эта комната была чересчур мрачной. Окно закрывала тяжелая портьера, прямоугольный стол из эбенового дерева, весь покрытый пылью, стоял посреди трехцветного ковра. Слева – книжный шкаф, совершенно пустой и грязный. Я ни за что не стал бы здесь даже отдыхать, сидя в кресле и мечтая. И почему я раньше не обратил внимания на такие неприятные мелочи!

Я выхожу обратно в коридор и уже поворачиваюсь к лестнице, как вдруг позади что-то взрывается: лампа разлетается вдребезги, едва не угодив крупными осколками мне в спину.

– Твою ж мать! – ругаюсь я. И быстро сбегая по ступеням вниз.

Я просыпаюсь в утренние сумерки, зеваю. Иду в ванную бриться. Выхожу на пробежку в спортивных штанах и толстовке. Поначалу лень, зябко и отвратительно, но потом быстро набираю темп – и понеслось: три круга вокруг дома, после рассвета я иду по дорожке вдоль двухметрового забора в сад, к кучке деревьев, растущих метрах в шести от дома. Я иду мимо стволов лиственниц, голубой ели и сосенок. За высохшим массивным стволом дуба вижу амбар, шесть на восемь, с двускатной деревянной крышей. В перегородке зияют щели: кто-то изнутри заколотил досками небольшие вытянутые оконца со ставнями. В амбаре очень темно, поэтому мысль о ревизии помещения отметаю сразу.

Доски амбара подгнивали, а часть оштукатуренного фундамента отслоилась и обрушилась. Все строение обросло зеленым мхом и плющом, дерево покрыли плесень и грибок, а влажный воздух только ускорял общее разрушение.

Во время пробежки я заметил за домом калитку с аркой. На этом я закончил осмотр своих владений и пошел в дом за чашкой горячего кофе.

После завтрака я упаковал фотокамеру Sony в сумку, накинул поверх толстовки куртку, перебросил через плечо сумку с фотоаппаратом и двинулся к черному забору с облезлой и облупившейся кое-где краской. Изгородь только перед особняком окрасили, придали ей привлекательный для покупателя вид, а здесь, по-видимому, все оставили, как было.

Калитка быстро поддается под нажимом, и я выхожу на поляну, покрытую мертвыми листьями, которые свернулись в трубочки. Воздух наполнен свежестью и тишиной. Рассматривать тут особо нечего. Оглядевшись по сторонам, я медленно спускаюсь по склону, иду по протоптанной дорожке вглубь засыпающих кустов и деревьев.

На одной из веток кедра устроилась белая сова с большими глазами и крючковатым клювом. Ночная хищная птица сидит довольно высоко и разглядывает мою фигуру, потревожившую ее покой. Сова ухает и взмахивает крыльями, перелетая на другое дерево.

С час я брожу, разгребая носками ботинок хвою сосен и пихт, обнаруживая под ней скрытые тропинки. Я разглядываю, как ветер подхватывает обрывки зелени с одиноких дубов – последнее напоминание о лете – и роняет их безжалостно на землю, в тлеющую массу. Осень играла на моих нервах и на всех оледеневших членах, вытягивая из меня последнее тепло. В лесу холод чувствуется особенно сильно, и я решаю возвратиться назад, пока еще способен перебирать ногами.

Только я перешагиваю порог, как припускает обложной дождь. Вот же осенняя депрессивная пора! Что ж, потрачу время с пользой – осмотрю неизученный чердак! Это самое уютное место для всех без исключения людей – самый темный уголок дома, где живут странности и ночные кошмары. Кто вообще придумал прятать свои тайны и страхи в самом высоком месте в доме? Люди явно используют чердаки не по назначению. Но я решительно смахиваю с ресниц иней и направляюсь к лестнице.

Меня ждет разочарование! Оказывается, все это время у меня не было ключа от чердака. На кой черт кому-то понадобилось запирасть дверь? Я, конечно, мог выбить ее, но я не сторонник таких диких методов. Лучше отложу визит до следующего раза, когда придумаю, чем вскрыть замок.

Я ругаю себя, припоминая, как ходил с агентом по особняку. Но сюда мы не поднимались, и я даже не подумал, что на самом верху могли остаться запертые комнаты. Очень странно.

Я спускаюсь по винтовой лестнице левого крыла, где вчера ночью лопнула лампа, и меня вырывает из моих раздумий телефонный звонок. Телефон лежит на диване в гостиной. Вдруг мелодия обрывается. Я смотрю на экран, но вижу, что в списке пропущенных вызовов ничего нет. Странно! Очень подозрительно. Не померещилось ведь мне?

Теперь от скуки я берусь за фотокамеру. Отщелкиваю парочку собственных комнат и ухожу спать.

День дотянулся до позднего вечера. За широким окном спальни давно стусился мрак, убаюкивая ледяной тишиной всю округу. Я уже встал, походил по дому. Наконец решил разобрать вещи. Я начал раскладывать их по полкам и ящикам, вешать в гардероб рубашки и брюки.

Вам покажутся скучными мои действия, но мне нужно привыкнуть к новому жилищу. Я должен сотворить вокруг себя какой-никакой уют, создать иллюзию наполненности дома, дать спокойствие глазам и сердцу.

С таким режимом я закрою работу. Никто не захочет платить за плохие фотографии, но не по ночам же мне снимать! Надо с этим что-то делать. Решено: сейчас ложусь спать, а завтра можно приступить. А иначе Тим Харди отменит свой заказ. Он, если захочет, сможет найти мне замену.

Я долго ворочаюсь. Если честно, никак не могу устроиться в кровати. Этот матрас – просто ужас! Этот дождь омерзителен! Он льет и льет, как будто природа запомнила, что в ее безграничном арсенале не только каждодневные осадки.

Стоит глухая полночь, и мои веки, наконец, наливаются свинцом. Как прекрасно засыпать под стук капель, бьющихся об оконное стекло.

Я резко открываю глаза от испуга. Только что я уловил еще какой-то странный посторонний звук.

Выхожу из спальни, прислушиваюсь. Стук повторяется снова, снизу.

Стучат в дверь.

И тут меня охватывает дрожь. Холод от конечностей крадется вверх, волосы на затылке начинают шевелиться. Неужели кто-то способен сюда попасть через запертые ворота? Я

неуверенно протягиваю руку к двери, кровь быстро бежит по венам, но я заставляю себя стоять на месте. Что поделаешь с этим волнением!

Незнакомец снаружи, видимо, ожидал немедленного ответа, и он вновь требовательно стучит в дверь. Я, недолго думая, рывком открываю ее. И кого же я вижу перед собой?

– Ивелен!

На пороге моего дома стоит именно она. Большие голубые глаза в оправе черных густых ресниц рассматривают меня с вызовом, терпеливо ожидая приглашения в дом.

– Проходи! Ты приехала? Но как?! – только и выдавливаю я из себя.

– Конечно, а разве не видно?

Девушка дрожит от холода. На ней надето только голубое летящее платье – совсем не по сезону. Иви ласково улыбается мне.

– Ты удивлен? Хотя, не скрою, я немного тоже. Не знаю, что за порыв мной овладел, но я соскучилась, Майк.

– Идем скорее в гостиную.

Я ухожу вперед, сканируя комнату на наличие пледа или, на худой конец, какого-нибудь одеяла. Что-то определенно здесь должно быть, да, я же бросал в уголок полюбившегося дивана махровое желтое покрывало. Вот оно!

– Благодарю! – ласково говорит Ивелен.

– Как ты меня нашла, Иви? А главное – зачем?

– Майк, я все обо всех узнаю, если хочу, конечно. Ты не исключение из моих правил.

– Я тебя не понимаю! Зачем? Это не ближний свет. Тебе Тим все рассказал, верно? Только он и мой брат в курсе этого переезда, я больше никому не сообщал адрес.

– Да, дорогой мой, Тим раскололся.

– Вот же он дерьмо! А я на него положился...

– Прекрати ругаться, Майк, он не виноват.

Ивелен присаживается на диван, растирает голые плечи, все остальное она решила прикрыть пледом.

– Не стоит делать такое огорченное лицо, Майк. Разве ты не рад мне?

Я думала...

– Значит, плохо думала, – перебиваю ее. – Что мне теперь делать с тобой?

– Что? – удивленно восклицает она.

– Ты хочешь остаться со мной?

– Наконец-то догадался! Мы ведь не чужие, Майк...

Я сразу узнаю эту чертовку с глазами дьяволенка и голосом нежного ангела. Она стремительно ворвалась в мою жизнь. Я обнажил перед ней свою душу, раскрыл сердце, но вместо ответа она заставила меня почувствовать сладкую боль и горькую страсть. В наших отношениях творилось что-то невероятное. Хаос смешался с действительностью.

Я отворачиваюсь к классическому камину.

– Майк, дорогой ты мой! Не злись, я все компенсирую.

Ее карминовые губы едва касаются моего уха, ей приходится хорошо потянуться на носках, чтобы вот так достать меня.

– Накажи, делай что хочешь, но только не отталкивай меня, дорогой.

– Ты приехала, чтобы обесчестить меня? – шучу я, на пару сантиметров поворачивая лицо в сторону ее карминовых полуоткрытых губ.

– Чувством юмора тебя однозначно не обделили, – Ивелен запускает шаловливые пальцы в мою темно-русую шевелюру.

– Для меня все слишком далеко зашло, Иви, не начинай это делать со мной опять. Я устал.

– Послушайте только его. Здоровый мужик отказывается от любви и преданности своей любимой! Забавный, воротишь нос, когда я сама приехала ради тебя!

Я пытаюсь найти подвох в ее словах, жестах, но не могу и все сильнее подпадаю под чары ее взгляда, голоса и этого теплого дыхания, которое чувствую на своем плече.

– Я вижу, ты мне не рад, – ее дрожащий голос обрывается.

Иви когда-то была для меня всем. Я не скрою, поначалу мое сердце возликовало от ее появления. Надеюсь, она этого не заметила: не хочу казаться ей мягкотелым.

Ивелен отстраняется, робко опускается на диван, поднимая хрупкие плечи. Стягивает плед, отбрасывает его в сторону и напряженно устремляет глаза в пол.

Я, как истинный джентльмен, пристраиваюсь рядом, но не близко. В горле, как назло, застревает ком. Я деликатно ободряю незваную гостью:

– Ивелен, я, конечно, рад тебе, но ты не могла бы накинуть одеяло? Ты же вся дрожишь!

– С каких это пор ты зовешь меня Ивелен? Для тебя я Иви! – ее пухлые губы обиженно надуваются.

– Не все ли равно теперь, – не сдерживаюсь я. – Мы расстались, не забывай об этом...

– А ты не напоминай мне.

Она легонько касается тонкими пальцами моей щеки, ее средний палец на правой руке до сих пор украшает благородный алый рубин в изящной золотой оправе. Я подарил! Было дело.

Она застывает в миллиметре, как мраморная статуя, черные пряди волос падают мне на плечо, ее губы встречаются с моими губами в нежном, но коротком поцелуе. Иви пробует меня на вкус, проверяет реакцию, которую я никак не проявляю, хотя и не отвергаю ее. Сладковатая на вкус помада остается у меня на губах. Я только что почувствовал запах черешни и, когда Ивелен придвинулась опять, придержал ее за плечи, проникновенно заглянул в голубые глаза и сам поцеловал девушку, увлекая ее под себя.

Я старался скорее сорвать эту мокрую тряпку, которая мешала мне наслаждаться горячей трепетной плотью изнаывающей от страсти женщины.

– Опять кружевное? – я бегло оцениваю черное белье разгорячившейся подруги. – Ты сумасшедшая, Иви!

– Нет! Мы оба!

Каждый раз, обладая ею, я страдал в глубине души: все было predetermined. Она покрутит-повертит мной, а потом убежит, как это было уже не единожды. Я не мог ее удержать. Каждый раз, когда я признавался ей в любви, она вздрагивала и не отвечала. Она только пользовалась мной, а дальше дело не двигалось.

Я устал! Устал ждать, любить, страдать. Я больше не способен поддерживать огонь в груди, постоянно подпитывать его собственной верой. Не все возможно изменить или вернуть, что-то просто необходимо оставлять в прошлом.

Огонь, в конце концов, не вечен – как, собственно, и человек. Я не хочу растерять себя в ненужной, пустой страсти.

Но Ивелен, как назло, опять вернулась. Зачем она так со мной! Сумасшедшая...

Глава 2

Я просыпаюсь в лучах зари. Это утро стало самым ярким после переезда. Солнце, наконец, заполняет спальню лучами теплого оранжевого света.

Я потягиваюсь, глубоко вдыхаю теплый воздух, трогаю место на кровати, где должна сейчас нежиться Ивелен. Запах черешни растворился, одеяло лежит нетронутым.

Я, натягивая на ходу спортивные штаны, вываливаюсь в коридор: вдруг она на кухне? Где же еще прикажете ее искать? Понятно, что поиски на кухне обязаны увенчаться успехом, почти на все сто процентов. Или нет?

– Где же ты?

Поначалу это даже интригует. Я зову Иви, обхожу все комнаты, однако ответа нигде не слышу.

– Не смешно, дорогая, ты слышишь? Ну, все, с меня хватит...

Я ненадолго задумываюсь. Потом одеваюсь в подходящую для такой погоды одежду, подхожу к двери. Растерянно смотрю на задвинутый засов. Ивелен не могла покинуть дом: это невозможно, ведь дверь заперта изнутри. Дверь под лестницей тоже закрыта.

Неужели собственный мозг зло шутит со мной? Я стою в немом изумлении, с отвисшей челюстью. Отпираю дверь и медленно выхожу на улицу. В голову приходят мысли о галлюцинациях, о нервном расстройстве или расстройстве рассудка, о переутомлении на почве переезда и прочем в этом же духе. А как еще можно объяснить случившееся, кто знает? Вот и я не знаю!

Автомобиля перед воротами тоже нет. Но не пешком же она из Ванкувера пришла! Это абсурд, чепуха, просто в голове не укладывается. Следов нет, ни одного напоминания о ее ночном визите. Растаяла, точно последние кучевые облака.

По моему лицу бродит идиотская ухмылка, я подхожу к резным воротам и опираюсь плечом о столб.

– Доброе утро! – раздается незнакомый пожилой голос.

Голос живого человека в такой глухомани отрезвляет, как ничто другое.

Глупое выражение сменяет интерес, удивление. Меня будто пронзает ударом тока. Неожиданность – штука серьезная. Теперь я разглядываю старика, который молча, с интересом смотрит на меня.

– Это вы мне? – немного иронично интересуюсь я у незнакомца. Господин выглядит на шестьдесят лет, среднего роста, из-под расстегнутого на все пять пуговиц шерстяного пиджака в серо-белую клетку выглядывает живот. Лицо покрывает борода лопатой – белая, словно присыпанная мукой. Аккуратный берет в стиле милитари закрывает шевелюру мужчины и прячет в своей тени длинный тонкий нос, похожий на ножку бокала. Серые глаза жадно впиваются в мое лицо. Старик, не подходя ближе, желает во мне разглядеть некую тайну – так я могу это описать.

Он остается на тропинке, почти на спуске с горы.

– Да, вам! Извините за прямоту, вы новый хозяин поместья? – старик задерживает многозначительный взгляд на особняке.

– Вы, собственно, кто? Разве по мне незаметно, что я здесь живу?

– Простите, я не представился. Меня зовут Адмунт Риз, я и мой сын здесь разыскиваем нашу собаку. Хаски по кличке Джек, возможно, вы ее встречали поблизости? Она потерялась двадцать первого октября.

– Нет, не хочу вас расстраивать, мистер Риз, но не видел.

Чуть погода я продолжаю:

– Зато слышал лай, она может быть в той стороне, северо-западной.

– Благодарю, вы нам очень помогли.

– А как вы оказались в такой глуши с хаской? Вам что, больше негде выгуливать пса?

Соглашусь, это странный вопрос, но не менее странный человек шныряет непонятно сколько времени у моего забора, там, где людей попросту не должно быть. Разве я не прав?

– Я думаю, не обязан вам объяснять, что этот лес вам не принадлежит, и здесь имеет право гулять любой. Не забывайте также, что среди прочих вам может попасться охотник с ружьем. А они люди обидчивые. Джек сорвался с поводка, мой сын не смог его удержать.

– Ладно, ладно, хватит.

Я сдаюсь.

– Я понял вас. Потеряли, так идите теперь и ищите, только не у меня на виду.

– Удивлен, что здесь опять живут!

– Что значит «живут»? Разве это плохо? И вы это обо мне?

– Надо выбирать места с энергетикой получше, мистер... как вас там?

Вот настырный дядечка.

– Майкл Эсм! А в чем проблема, мистер Адмунт?

– Этот особняк целый год не могли продать, Майкл. Я бы на вашем месте рванул обратно к корням, так сказать. На свою землю, где люди вашего возраста, шум, суета. Зачем вам здесь сычом сидеть?

– Что, простите? Я не ослышался? Вы меня не знаете, но уже лезете с дурацкими советами? Бросьте городить ерунду и уберите вон.

Я собираюсь уходить, как вдруг он выпаливает:

– Вы его видели! Я знаю.

– Что? Кого видел? – я растерялся, потому что не понял вопроса, и теперь тупо смотрю на Адмунта Риза.

В глазах этого ненормального старика – это уже очевидно – таинственно сверкают огоньки любопытства и злорадного превосходства: он знает что-то, что пока неизвестно мне.

– Оно приходило к вам, Майкл...

– Не говорите загадками! Кто ко мне приходил, откуда вы это знаете? – мое терпение постепенно подходит к своим пределам.

– Оно смогло принять образ близкой вам женщины...

Я вскипаю от злости. Кого он из себя возомнил? Провидец хренов!

– Вы подглядывали за мной, верно я понимаю?

– Нет, что вы! Все дело в моем даре, – оправдывается Риз. – Иногда меня как будто посещают видения, и я вижу цветные картинки. Вот и сейчас. Чем я ближе к особняку, тем явственнее образ женщины. Но ее лицо как бы искажено. Я чувствую нечеловеческую энергию. Можете мне не верить, Майкл, но я слов на ветер не бросаю. Если вам станет интересно поближе со мной пообщаться, я всенепременно приму вас у себя в лавке «Талисманы & Обереги» в городке Темный Бор. Предложу пассивную помощь...

– Не надо! Я не нуждаюсь в подобных услугах, – грубо бросаю я через плечо.

– Ну, хорошо, Майкл! – вздыхает старик. – Только человек не способен покидать жилище, оставляя двери запертыми изнутри. Всего хорошего.

Я стою, ошеломленный. А Риз исчезает. Я встряхиваю головой. О чем он вообще? Кто мог прийти в облике Ивелен? Может, мне сам этот Риз только что померещился?

Я иду. Вдруг резко останавливаюсь, понимая, что упираюсь в выложенную отесанным камнем клумбу. И тут же чувствую тепло, исходящее от фиолетовых, алых, белых бутонов. Они такие живые и такие нежные, обязанные засыпать во время холодов, но почему-то в этом грунте цветам комфортно, они будто и не замечают, что лето давно ушло. Хочу дотронуться до них, но резко одергиваю руку.

Минутой позже плюхаюсь на диван с телефоном в руке. Вопрос на миллион. Кому я собираюсь звонить?

Верно! Ивелен.

Нет, едва ли я наберусь мужества задать самый больной для меня вопрос: «Ты приезжала, детка? Или мне померещилось?» Завтра, на свежую голову, я, надеюсь, сумею извлечь корень моей личной проблемы. Надеюсь, я не сумасшедший, не поехавший вконец безумец.

Я откидываюсь на спинку дивана, прикрываю глаза ладонью. Медленно потираю виски, прислушиваясь к внутреннему голосу. Сердце ритмично бьется в груди, в доме тоже спокойно.

Когда за окном спускаются сумерки и поднимается порывистый ветер, я начинаю готовить рюкзак к завтрашнему походу. Потом ложусь в постель, по-прежнему озадаченный.

Осмыслить вчерашнее появление Иви невозможно. Я засыпал, повторяя успокоительную фразу: «Думай о работе, надо отщелкать фотографий и сразу отослать Тиму Харди, надо отослать Тиму...»

Глава 3

В духе возможно посеять многое, но что взойдет? Рано или поздно семена раскроют тайну замысла перерождения, расскажут, какие задачи должен решить в своем воплощении каждый. Похоже, мне всю ночь снились глобальные философские концепции. Они в лесу будут явно не к месту. Ну да бог с ними.

Нет ничего лучше в нашем мире, чем единение с природой, возможность любоваться живописными ландшафтами. Ловить и подчеркивать с помощью кадра смысл первозданной красоты – вот моя отрада. Я хочу объяснить людям ценность животных и растений, и это не такой уж плохой аргумент для того, чтобы заниматься делом фотографа.

Я завязываю шнурки на серых ботинках с меховыми отворотами, перекидываю ремень сумки с фотокамерой поверх рюкзака и темно-зеленой куртки с капюшоном, обшитым потрепанным искусственным мехом, в рюкзак запикиваю термос с горячим чаем, фонарь, таблетки, которые должны помочь в разных непредвиденных происшествиях в дебрях. Я собираюсь не на раз-два и обратно. Меня ждет долгое обследование местности – и весьма опасное, ведь я нахожусь в диком лесу, где живут непредсказуемые хищники.

Уже закрыв за собой калитку, я думаю о том, что было бы здорово прихватить доступное оружие для самозащиты – нож. Возвращаться, правда, не хочется, поэтому начинаю свой путь без него.

Спустившись на поляну к соснам, лиственницам и елям, я останавливаюсь перед первым перекрестком трех лесных троп, которые прячутся под толстым слоем хвои. Я двигаюсь наобум, разгребая еловые иголки закругленными носками ботинок. Направление я не выбираю, буду ориентироваться по солнцу, благо оно высоко стоит на голубом, чистом небосводе.

Я захожу в лиственный лес – вокруг дубы и немного ив. Дубы одними из первых сбросили увядшие листья и теперь готовятся к заморозкам. Я тут подумал: будет неплохо уделить внимание деталям, особенно когда вокруг звучат осенние краски, расцветшие покрывалом под ногами.

Полчаса я медленно двигаюсь только вперед, после все-таки не могу устоять и оборачиваюсь. На горе возвышается мой дом – крошечный отсюда, немного жутковатый, но уже зовущий обратно. С этого места он выглядит иначе: чуть-чуть отчужденным, но прекрасным.

Я бы не прочь вернуться, но работа не оставляет мне выбора: не хочется терять местечко, к которому я шел несколько лет.

Я иду дальше! Тропа, по которой я пока бесцельно спускаюсь, устремляется со склона в новые заросли: буки и молодые лиственницы закрывают своими высокими стройными стволами необыкновенно чувственный пейзаж со стаей оленей, а за ними – невысокий водопад, который обрушивается с отвесной скалы в крохотное голубое озеро. Надо всего лишь слиться с местностью, чтобы не спугнуть. Затем я поднимаюсь по влажным скользким камням. Хочу забраться на гору и запечатлеть стадо с высоты.

Я в хорошей форме, так что осилить средний подъем – для меня плевое дело. Через десять минут я уже навожу объектив на другую поляну с сочной травой, в конце которой меня заинтересовал лежащий ствол бука. На его гладкой светло-серой коре вертятся и веселятся целых шесть белок. Та, что прыгнула в вересковый куст, растопырила ушки-кисточки и уставилась на меня.

Под пушистыми мягкими еловыми иголками скрываются огромные муравейники. В отдалении, за горой булыжников, журчат чистые горные ручьи, прокладывая дорожку к гладкому утесу.

Я решаюсь разглядеть пушистых зверьков поближе, но неосторожно наступаю на сухой пруттик. Раздается треск, белки мгновенно исчезают из вида.

Я чертыхаюсь и подхожу вплотную к упавшему дереву.

На коре сохранились большие свежие следы когтей. Я задумчиво смотрю по сторонам. Прислушиваюсь к окружающим звукам. Сердце чувствует тревогу. Слишком тихо вокруг. Подозрительно.

– Надо поворачивать назад! – только успеваю пробубнить я, как со спины на меня волной накатывает рычание. Я осторожно поворачиваюсь, вытаращиваю перепуганные глаза на трех волков-альбиносов, достаточно крупных и весьма недружелюбно настроенных.

Один пытается обойти меня сбоку, но я поворачиваюсь вместе с ним, не отрывая взгляда от остальных. Мое положение становится все критичнее – до тех пор, пока из зарослей не высовывается могучая спина медведя.

Оказывается, он все это время лежал неподалеку, а теперь вылез из своего логова и начал внимательно озираться вокруг и принюхиваться. Хорошо, что ветер дует в мою сторону, легкий такой, почти незаметный. Медведь пошатывался, но три стоящих неподалеку волка никак не заинтересовали его.

Меня беспокоит, что он заинтересовался только мной. Со всех четырех сторон меня окружают хищники! И я никак не могу предугадать, кто бросится первым.

Интерес у громилы чисто гастрономический, но волки заставляют косолапого нервничать. Он дергается вперед, останавливается, снова смотрит. Волки ненадолго сбивают мишку с толку: он не может понять, мы вместе или порознь.

Ну, все! Либо пытаться уйти сейчас, либо ждать неминуемого конца.

Я выбираю первое. Мне и так почти нечего терять. Ну, или я пропал!

Два волка с обоих боков, рыча, выдвигаются вперед. Медведь смотрит на всех сразу, но продолжает выделять меня как самую крупную добычу. Я расстегиваю молнию куртки, чтобы казаться страшнее и выше. Что поделал, жизнь – борьба. Надо было вместе с белками бросаться наутек, пока была возможность.

Я делаю самый трудный шаг в своей жизни.

– Назад, спокойно! – шепчу я, отходя назад.

Третий волк все еще стоит за мной, он напоминает о себе грозным ворчанием.

И тут терпение медведя заканчивается, и он бросается на одного из волков. Слышится скулеж, вой, в схватку врывается второй удалец, он впивается клыками в медвежью лапу, рвет ее изо всех сил. Возня, ворчание, волчьи челюсти смыкаются и размыкаются на толстой шкуре громилы высотой под два метра. Третий волк обегает меня по кустам, кидается на выручку к братьям.

После короткой схватки я замечаю, что у этого альбиноса течет кровь по шерсти на боку, но не могу определить точное расположение раны. Медведь ожесточенно рвет нападающих, получая не менее сильный отпор в ответ.

Я нечаянно спотыкаюсь о крупную изогнутую палку, поднимаю, не задумываясь, ее с земли и вижу, что медведь уже возвышается надо мной. Волки кидаются на него сзади, мне кажется, что они, как могут, отвлекают его внимание от меня. Последнее, что я успеваю сделать, это сжать толстую палку пальцами, замахнуться и двинуть медведю со всей силы по морде. В этот момент на меня накатывает озарение: поединок однозначно окончится для кого-то трагедией.

Я замечаю пристальный взгляд раненного в бок альбиноса. Я получаю минуту форы. Хищники снова впиваются друг друга, снова бьют друг друга лапами, рвут плоть острыми зубами-бритвами. Я бегу и в глубине души благодарю волков за бесстрашие и за то, что они не тронули меня.

Глава 4

Ночь выдается беспокойной. Меня сотрясают конвульсии, я весь дрожу от ужаса. Боже, как я бежал! Мне все время чудилось, что меня преследуют.

Я не верил глазам, когда приближался к дому, отпирал калитку, запираю замки и закрывал ставни на окнах.

Все следующие часы я так и не смог сомкнуть глаз. Чашка терпкого чая успокаивает меня. Ух, да я везунчик! Из такой передряги вышел сухим. Но удирал я почти галопом!

Весь следующий день я продолжаю думать о медведе, о том, что он где-то поблизости, бродит около моего забора в поисках лазейки. Я не параноик, но испытываю жуткий страх, который нельзя передать словами.

– Все хорошо, Майк. Он не проберется. К тому же откуда такая уверенность, что он рядом? Возможно, бравая команда альбиносов его давно в клочья разорвала!

Я иду на задний двор, двигаюсь вдоль липовой аллеи к ее сердцу, невысокому тису, внимательно проверяя ограждение и вслух успокаивая себя. Я знаю, что медведь, особенно очень голодный, в этот период может залезть вверх по стволу, а потом спрыгнуть с прочной ветки сюда.

В верхнем кармане куртки громко звонит телефон. Я вздрагиваю. О, да! Я так долго ждал этого звонка.

– Привет, Тим, – вежливо отвечаю я боссу.

– Здравствуй, Майкл. Рад, что ты сразу ответил, а не когда-то потом. Как прошел твой переезд?

– Благодарю, неплохо.

– Я рад за тебя, но, по-видимому, новое уютное местечко занимает все твоё свободное время, раз ты не удосужился проверить почту и прочитать три моих письма.

– Когда ты их мне прислал? – интересуюсь я.

– Не помню, может, два дня назад. Когда пришлешь ответ?

– Скоро, даже сейчас, быть может...

Тим Харди смеется в трубку всегда очень громко, и этот раз не исключение:

– Ну-ну. Майк, не забывай о работе, у нас такой журнал готовится к изданию! Не хватает только твоих бесподобных кадров! Давай, жду день, не больше, а иначе – сам знаешь...

– Я все понял, Тим, мне повторять дважды не надо. Но я ведь, кажется, в прошлом месяце предупреждал о переезде.

– Ты подумал, я злюсь? Отнюдь нет! Хотя твоё желание уехать в глухомань вся контора восприняла неодобрительно. Осуждение, недовольство... Понимаешь, они привыкли работать с живым фотографом, советуясь, что ли. А не получать письма счастья на электронный ящик.

– Хотел спросить у тебя, Тим, насчет Ивелен, – я перехожу к теме, которая волнует сейчас меня больше всего.

– Ой, нет, не начинай опять про нее. Я этого главного редактора с ангельским личиком уволю ко всем чертям.

– Почему?

– Потому что, Майк, она взбаламутила весь мужской коллектив своими шикарными формами. Это что-то с чем-то... – Тим загадочно вздыхает.

– Я просто подумал, зачем ты ее отпустил ко мне?

– Что, прости? Когда это я ее отпускал?

От неожиданности я хватаюсь за ветку тиса.

– Двадцать четвертое октября. Стоит глухая полночь. Она заявляется сюда в шикарном платье, будто сошла с глянцевой обложки. Всего каких-то тридцать девять часов на скорости 90/км. И она здесь!

– Майк, Ивелен ни за что не приехала бы к тебе, даже на личном вертолете! Пора бы это понять. Я никого уже месяц не отпускаю по личным делам, так что извини. Тем более что тем днем, с утра, она была на работе, понимаешь?

– Хорошо, я узнал достаточно.

– Я слышал, Майк, что люди от одиночества чаще сходят сума! Майк, ты слушаешь?

Я отнимаю руку от тисовой ветки. Палец кровоточит.

– Конечно, слушаю... – я отсасываю кровь из ранки.

– Не понимаю я тебя, друг, зачем скрываться от проблем далеко от друзей?! Мы поможем, если попросишь. Она стерва, заруби себе это на носу. В ней нет ни капли любви, только голый расчет. Ты мог ей дать гору женского счастья, но вряд ли она оценила бы это.

– Не говори глупости, я не горюю о ней. Мне совсем нет никакого дела до того, где она и с кем!

– Разве? Я что-то не заметил. А кто тогда к тебе приезжал, твое разыгравшееся воображение? Я начинаю беспокоиться о тебе. Ты меня больше подобными вопросами не пугай, хорошо?

– Угу, Тим! Я запомнил.

– Отлично, парень, не дрейфь, – Тим громко вздыхает в микрофон. – Ты слишком далеко, совсем один, это небезопасно. Не теряй себя, соберись. И я жду твоего письма с вложенными фотографиями – это будет нашим общим счастьем.

Окончив разговор, я, наконец, слышу – впервые за долгое время здесь – переливчатое пение скворца. А за ним – ту проникновенную тишину, которую не променяешь ни на что на свете.

Не особо верится, что я важен кому-то в этом мире. Все не так просто, как может показаться. Мне катастрофически не везет на личном фронте. У меня проблемы в собственной семье, с братом. Разве сейчас хоть кто-нибудь вздыхает обо мне? Задает себе вопрос: где я, что со мной, как живу, дышу ли... Мое бремя – это одиночество, долгое, затяжное и вечное. Поэтому лучшего места в мире, чем Юкон, не найти. А остальное меня не очень заботит.

Возвращаясь тем же путем к дому, я впадаю в размышления: думаю об Ивелен, которая так внезапно появилась и так же внезапно исчезла. Может, они мне просто голову морочат?

Я же не сумасшедший! К чьей влажной коже я прикасался собственными руками, и до сих пор ладони помнят мягкие изгибы аппетитных форм, а губы – сладкий вкус помады? Но что такое говорил подозрительный старик, который нарисовался вдруг перед воротами и заявил о потустороннем вмешательстве?

Быть может, Тим Харди просто спрятал ее у себя под столом для убедительной консультации и теперь нагло лжет, намекая на мое помешательство, якобы от одиночества. Хотя какое тут одиночество! Сплошные развлечения на свежем воздухе.

Я не могу согласиться с тем, что визит Ивелен мне просто померещился.

Передо мной возник серьезный вопрос, и его надо как-то решать. Только для начала наберусь смелости для звонка. Возможно, завтра. Или нет. В общем, когда-нибудь я обязательно соберусь с духом.

Завтра настает стремительно, ледяной воздух проникает через приоткрытое окно спальни, солнце опускается ранними лучами на глаза. Я, не разлепляя век, стараюсь продлить удовольствие и понежиться в кровати под теплым одеялом.

На полке платяного шкафа ждет своей очереди фотоаппарат с отшелканными фотографиями природы Юкона и его лесных обитателей. Я собираюсь как можно скорее минимально обработать снимки – но только после пробежки по аллее.

Приближаясь к трухлявой стене амбара, я останавливаюсь отдышаться, наполнить легкие воздухом. Строение окутывала тайна, оттуда веяло запустением. Я испытывал крайнее отвращение рядом с ним.

Амбар растворялся на задворках сада среди высоких теней, отбрасываемых деревьями, рассеивался в белой дымке, стелющейся по земле. Он напоминал мне покинутый домик лесника где-нибудь глубоко в роще. Внутри его прогнивших стен смог бы найти приют странник и даже чья-нибудь заблудившаяся во мраке душа. Я пошел к дому, мотая головой, чтобы вытряхнуть из нее все дурные мысли об Ивелен.

Шум за треклятым амбаром привлек мое внимание. Я оборачиваюсь и замечаю, что между стволами проносится силуэт небольшого существа. Оно невероятно быстрое, я не успеваю разглядеть его. Может, хаска Адмунта Риза все-таки нашла лазейку под изгородью, проникла ко мне в сад и теперь мне предстоит ее изловить и вернуть законному хозяину?

Увы, если бы все было так просто.

Когда я шел к дому, передо мной, на каменной дорожке, появился белый раненый волк. Его большая голова на узком теле была приподнята так, чтобы лучше следить за моими движениями. Но я не мог даже пошевелиться. Я не собирался нападать на него и надеялся разрешить напряженную встречу с помощью спокойного, уравновешенного голоса:

– Привет, кажется, мы встречались не так давно. Я узнаю твой взгляд...

Альбинос с глазами янтарного цвета поджимает правую лапу. На шее и в области ребер шерсть стала темной, почти черной – такой цвет придает только засохшая кровь. Волк издает сердитый рык, потом его ведет куда-то влево, и он присаживается, высовывает язык, больше не сверкая хищно глазами.

Я решаюсь сократить дистанцию, и альбинос недружелюбно рычит.

– Тихо, спокойно, друг. Ты же не для того проделал этот путь, чтобы ссориться, верно? – даже изможденный дракой, хищник представляет серьезную опасность. Не знаю, чем закончилось все у его стаи, но если он нашел меня, очевидно, остальным повезло меньше.

– Ты совсем молодой. Но если ты здесь, значит ли это, что ты пришел за помощью?

Альбинос исподлобья тарашится на меня.

– Хорошо, молчание – тоже ответ. Джек, ты не против, если я дам тебе человеческое имя? Думаю, не против. Мишка неплохо вашу компанию потрепал?

Неудачная шутка задевает самолюбие раненого хищника, и он презрительно фыркает, будто понимает речь, как собственный урчащий желудок.

– Тебе придется понять: если ты начнешь огрызаться, я тебе не смогу помочь. Доверься мне, Джек, я правда ценю твою помощь в лесу. Не знаю, помогал ты мне или же я просто встал у вас на пути, но теперь это неважно.

Я короткими шагами подбираюсь к волку, охваченному временным оцепенением.

– Меня зовут Майк, если тебе интересно.

Получается чуть-чуть приблизить вытянутую руку. Мой новый гость воспринимает подобную наглость без восторга.

– Тихо, парень, дай я осмотрю твои раны!

Он ложится на бок так, чтобы было удобно слизывать со сбитой шерсти кровь. Понятия не имею, как у меня получится до него дотронуться и остаться при этом с целыми руками, ну раз он здесь, была не была. Присаживаюсь рядом, растерянно гляжу на огромную рану, но потом быстро собираю волю в кулак.

– Ляг смиренно, прошу тебя!

Волк с интересом прислушивается к моему дрожащему голосу. К моему великому удивлению, он подчиняется просьбе, ни разу не попробовав цапнуть меня за кисть.

На шею я нащупываю свежую рану – порез от острых медвежьих когтей. Его правая нога, как назло, оказывается под животом, поэтому ее осмотр временно откладывается.

– Я мигом, Джек. Дождись меня здесь! – выкрикиваю я, убегая к дому по узкой дорожке, выложенной из старых каменных плиток.

Набрасываю на плечи куртку, хватаю ключи от машины, возвращаюсь к волку, не надеясь даже застать животное в саду. «Это глупо», – твержу я себе. Но волк по прозвищу Джек лежит на том же месте. Он страдает от боли и терпеливо всматривается в силуэт человека, который возомнил себя спасателем.

Я медленно подхожу к лежащему смиренно волку без капли надежды на то, что он согласится принять мою помощь. Ерунда какая-то.

– Джек, я вернулся, как и обещал.

Я присаживаюсь на корточки неподалеку.

– Неплохо было бы нам договориться. Я помогу тебе выздороветь, а ты, в свою очередь, проявишь выдержку и снисходительность к моему добровольному порыву. Хотя ты вправе этого не делать, я смогу тебя понять. Знаешь, мы чем-то похожи, я такой же дикий. За свою свободу готов глотку перегрызть, только ты не принимай на свой счет, ладно?

«Как бы тебя приманить?» – думаю про себя, продолжая городить чепуху. Естественно, для хищника, как и для любого зверя вообще, лекарством служит еда! В случае с Джеком – сырое мясо. Но где мне взять его сейчас, если я строгий вегетарианец? Из белков – только бобы и орехи на полках. Разве волка этим можно заманить к себе в автомобиль?

– Обещаю, что как только мы въедем в город, я куплю тебе столько еды, сколько в тебя влезет.

Ох, и распинаясь же я перед ним. Но через долгие пять минут волк начинает водить ушами на звуки моего голоса, внимательно слушает и упрямо продолжает, как ни в чем не бывало, лежать на дорожке.

До обеда он еще несколько раз перебирается в другие места, лежит то между корней лиственниц, а то и вовсе возле ворот.

Диалог не клеился, к вечеру ничего не изменилось, и я пожалел, что столько времени потратил на пустые уговоры. Надо было ехать в Темный Бор за мясом, когда еще светило солнце, а теперь уже вечерело.

В семь часов вечера я уже сижу с ним у ступеней, голова волка покоится на моих коленях, я размышляю, как бы мне не уснуть в такой позе. Зато хоть проведу этот день не один, а в обществе волка. Всегда мечтал почувствовать рядом энергию и силу умного свободного животного, понять, из какого он теста, о чем думает или даже мечтает. Влажный язык скользит по моему запястью, я морщусь и вздрагиваю одновременно.

Этот жест знаменует мою победу. Мы смотрим друг другу в глаза и не видим злобы и неприязни. Я и он не боимся быть рядом друг с другом.

– Поехали, еще успеем к закрытию.

Волк по собственному побуждению сейчас располагается за мной, на заднем сиденье джипа. Быть может, нас вышвырнут на улицу: страх перед диким зверем еще никто не отменял. Кто знает, как он воспримет помощь специалиста и как сам врач оценит пациента. Сложится ли контакт, как у нас с ним? Ну что ж, проверим. Другого выбора все равно нет.

Трасса «Рок» представляет собой длинную извилистую артерию среди густых лесов и цепочки холмов, которые сопровождают нас до конечной цели. Свет фар вырывает из темноты дорожную табличку с названием городка. Мы близко!

Я поглядываю в зеркало, слежу за переменчивым поведением Джека, прямо-таки ощущаю его тревогу. Иногда она сменяется интересом: он еще никогда не видел лес за полупрозрачным стеклом автомобиля.

Я сверяю время на ручных часах с приборной панелью. Почти полдевятого. Опаздываем.

– Главное, чтобы врач оказался с железными нервами, – пытаюсь разрядить накалившуюся обстановку и поворачиваю руль, въезжая на полутемную улицу.

Я пока не ориентируюсь в городке, знаю один магазин, где недавно покупал продукты, и бензоколонку с выездом обратно на трассу. В этом провинциальном городе с мрачноватым названием Темный Бор всего одиннадцать улиц.

Кругом стоят уютные двухэтажные дома, чуть в стороне – не очень привлекательные, но все крытые черепицей, с маленькими ухоженными садами. Некоторые дома скрыты за массивными стволами, из-за этого сложно сразу увидеть свет из вытянутых нешироких окон. Я полагаюсь на собственные фары, а не на высокие фонари, способные осветить вокруг себя пространство не шире одного метра.

Учитывая размер города, найти единственную клинику для животных, как вы понимаете, несложно.

Клиника со странной вывеской «Дар» делила двухэтажное терракотовое здание с тремя башенками пополам с магазином глиняных поделок, где уже, естественно, свет не горел. Я застаю врача прямо у двери. Он запирает замок.

– Извините, вы закрываетесь? – я обращаюсь к человеку, все еще стоящему ко мне спиной.

На меня вдруг удивленно смотрят хризолитовые глаза симпатичной молодой женщины. Светло-русые волосы собраны в длинный хвост, завитками ниспадающий до поясницы. Парка болотного цвета скрывает стройную фигуру. Строгая черная юбка до колен. Даже на семисантиметровом каблукe женщина едва достает мне до плеча, так что ей приходится задрать подбородок.

– Что, простите? – я вижу ее обескураженный взгляд.

– Вы уже уходите?

– Да! Разве не видно?

– Мне срочно нужна ваша помощь. Я заплачу любые деньги...

– Нет, что вы! Вы на время смотрели? Почти девять, – перебивает она, не желая ничего слышать. – Если нет, то взгляните хотя бы сюда, часы приема видите? Поэтому до свидания, приходите завтра.

– Выслушайте меня, прошу вас. Мне нужна ваша помощь, срочно! Еще только без десяти минут девять, поэтому я имею право вас задержать.

– Да что вы говорите! Десять минут, может, и да, но не больше. К тому же, боюсь, лично вам я ничем помочь не смогу, мы людей не лечим. Обратитесь в больницу, в какую пожелаете. Всего хорошего.

Ветеринар злится.

– Моему псу нужен осмотр, срочно!

Она закатывает глаза, я это вижу и тоже ужасно злюсь на нее из-за этого.

Я вдруг преграждаю ей дорогу рукой. Церемониться не имеет смысла, не под венец же мне с ней идти.

– Что вы себе позволяете? Дайте пройти! – грозно требует она.

– Пожалуйста, хотя бы консультация, и я уеду, обещаю.

Она с минуту молчит, вероятно, обдумывает, потом отвечает более спокойным голосом.

– Ну, хорошо, давайте его сюда, я посмотрю.

Я открываю заднюю дверь автомобиля, оценивая реакцию остолбеневшего врача. Она что-то долго молчит.

– Все нормально? Почему вы молчите? – интересуюсь я, хотя прекрасно знаю причину ее замешательства. Но придерживаю старую дверь, чтобы она не закрылась сама, и жду.

– Это, значит, ваш пес? А имя у него есть?

– Конечно, его зовут Джек.

– Вы меня за дуру держите? Решили дикого волка подsunуть молодой девушке и при этом промолчать? Как не стыдно!

Я недовольно ухмыляюсь. Отчитала, как мальчишку, и грубо как!

– Он ручной, как пес. Посмотрите, ему же плохо. Неужели свободные животные имеют меньше прав лишь потому, что у них сложный и самодостаточный характер? Он живой, чувствует боль все это время, пока я вас уговариваю сделать вашу законную работу. Он, как и я, ищет сочувствия и помощи с вашей стороны.

– Сочувствую. Этого достаточно? – резко выговаривает она. – Всего хорошего, и Бог вам в помощь.

Вы только посмотрите на нее. Грубая, некомпетентная ветеринарша, задрав нос, ринулась в противоположную от меня сторону. Я не хочу доводить ситуацию до скандала, но и отпустить ее вот так тоже не могу.

В семь с половиной шагов я догоняю этого крайне недовольного врача, который торопится быстрее попасть домой, и перегораживаю ему дорогу.

– Представьте, что он собака, только чуть-чуть диковатая.

– Вы в своем уме?! А если он меня цапнет? Мне что, потом всю жизнь уколами лечиться?

– Посмотрите на меня, – я нарочито улыбаюсь. – Со мной все в порядке, я его привез прямо у себя за спиной, и ни разу ни покусанный!

– Почему он в крови?

– С медведем дрался. Что-то не поделили...

– Ага. Или кого-то!

В ее голосе звучал такой сарказм, что я опешил.

– Простите?

Врач по-деловому разворачивается на каблуках, бросая через плечо:

– Заносите своего «пса».

Я возвращаюсь к полуприкрытой двери автомобиля. Волк устало поднимает янтарные глаза. Но стоит только протянуть к нему руки, как он принимается сердито ворчать.

– Не огрызайся, Джек, прошу тебя. Мы же договорились, если ты, конечно, от боли еще способен здраво мыслить. Поверь, мне самому все это безумно не нравится.

– Вы закончили? – устало окликает она.

– Конечно, – отзываюсь я тут же, с трудом заставляя волка выбраться на улицу.

Мы с ним входим не спеша в светлый приемный зал. Молочная плитка на полу сверкает от огней люстры, свисающей сосульками посреди комнаты. Справа от стены стоит кипенно-белый диван, у противоположной стены – стол для обслуживания посетителей. Зал переходит в просторный коридор. Здесь врач включает торшеры с оранжевыми круглыми абажурами, приятно, ненавязчиво рассеивающими свет.

В коридоре я насчитал две пары дверей напротив друг друга, из левого прохода к нам возвращается ветеринар, облаченная в белый халат нараспашку. Над верхним карманом висит бейдж с именем: «Мира Джонс, ветеринар».

– Можете следовать за мной, – доброжелательно говорит она, заходя в правую комнату. – Ну что ж, Джек, сейчас посмотрим на твои боевые раны, если не возражаешь. Прошу вас, положите его на стол.

Подвижный металлический стол не понравился волку с самого начала, он хотел было повернуть назад, но я тут как тут. Небрежно и резко подхватываю на руки извивающегося альбиноса, кладу беднягу на холодную поверхность. Приходится еще какое-то время успокаивать

вырывающееся животное, но мне наконец удастся погасить нервную дрожь в его сильных членах.

Волк терпеливо ждет, когда врач наберется храбрости для осмотра.

Мира подвозит к нему галогеновый светильник с отражателями. Освещающий блок фиксируется над теменем врача, который внимательно и очень осторожно трогает раны двумя пальцами. Я шурю, потираю пальцами глаза, понимая, что пропустил исследование черных корок и собственно области ранения.

– Что там, Мира? Вы разглядели? – спрашиваю ее.

Я не замечаю, как она улыбается. Я стою позади нее.

Мира отвечает:

– Похоже, его неплохо потрепал медведь. А вы разве не знали, что они в конце осени особенно агрессивны? Они подумывают лечь в спячку, и тут вы сами нарывааетесь. Волк-то понятно...

– Простите, я вас до конца не понял. При чем здесь я?

– Он вас защищал?

– Не знаю! Джек живет в стае, я понятия не имею, что случилось, когда... – я внезапно умолкаю.

– Когда что? – интересуется Мира.

– Разве это так важно?

– Нет, не важно, просто интересно.

– Я фотограф. А дикая природа – продолжение меня, но ее законы, к несчастью, не всегда соответствуют нашим представлениям о морали. Я сам нарвался на медведя. Не думал, что буду сейчас с вами разговаривать. Я тогда к самому худшему приготовился.

– Значит, по доброте душевной волку помочь решили?

– Не знаю, Мира, возможно, просто из благодарности. Он все-таки жизнью рисковал. Сам мой дом отыскал. Как я после этого мог его бросить?!

– Итак, тише, Джек. Помогите...

Я придержал волка, раздраженного нервным ожиданием чего-то нехорошего.

– Лежи, друг, скоро все закончится.

Мои слова подействовали мощнее любого снотворного. Джек обмяк, затих, высунув при этом длинный розовый язык, конец которого улегся на поверхность блестящего стола.

– Итак, поведение вашего волка «слегка» агрессивное. Дефицит пульса не наблюдается, частое дыхание сопровождается стонами. Лапа поджата. Подозрение на вывих сустава. Смотрите, я сейчас трогаю конечность, тише, тише, мальчик. Сильно выраженная болевая реакция. Он мучается от силы пару дней. Это хорошо, вывих свежий, значит, не будет никаких осложнений. Сейчас я сделаю рентген, и мы определимся с его лечением.

Я успокаивал альбиноса, как мог.

– Как же он заработал себе эту напасть? – спрашиваю я серьезным голосом у симпатичной молодой женщины.

– Проще, чем вы думаете. В его случае это могло быть связано с падением, ударом. В любом случае, он травмировал лапу, мое дело – вылечить, чтобы это больше его не беспокоило.

Выждав с минуту, я говорю:

– Спасибо вам, Мира.

– Пока не за что, тем более что это моя работа, мистер...?

– Майкл Эсм. Извините, что не представился сразу.

– Ничего страшного. Я понимаю вашу озабоченность, но, поверьте, это несмертельно для такого сильного животного, как ваш волк. Все будет хорошо.

– Благодарю.

Мира просит меня поднести к Джеку переносной рентгеновский аппарат. Манипуляции, которые происходят у меня перед носом, удивляют своей скоростью. Я не успел дотащить аппарат до места, как рядом со столом для осмотра возникает дополнительный столик.

Несколько минут терпеливого ожидания вознаграждаются ответом врача. Мира откладывает снимок в сторону и поворачивается на стуле ко мне.

– Вывих свежий, закрытый, неполный.

– Что означает «неполный»?

– Имеется в виду, что суставные ткани разорваны частично, суставная капсула не повреждена, движения болезненны, но вполне возможны. У него подвывих. Держите волка, будем вправлять.

При этих словах волк будто начинает понимать человеческую речь. Он тревожится, словно только сейчас понял, где оказался. Он доверился первому встречному и уже начал об этом горько сожалеть. Он скалится и рычит на нас обоих. Я замечаю, что он следит за нашими руками и ждет подвоха.

– Ему будет чуточку неприятно. Давайте наденем намордник, чтобы защитить руки в случае чего.

– Нет, – наотрез отказываюсь я. – Не губите его доверие, иначе он покусает меня дома. Я ручаюсь за него, Мира. Обещаю, что смогу его удержать.

Она молча пристально смотрит на меня, и мы приступаем. Подходим, так сказать, к кульминации процесса.

Джек не визжит, не скулит, не вырывается, держится молодцом, лишь единожды зажмуривается. Теперь, получив в придачу успокоительного, дозу витаминов и еще чего-то для поддержания гемоглобина, он, весь в эластичных бинтах и пластырях, ковыляет из кабинета в коридор. Его раны обработаны антисептиком.

Мира глубоко вздыхает. Она подходит к рукомойнику, снимает с хрупких запястий резиновые перчатки, и они тут же исчезают в мусорном ведре.

– Сколько я вам должен? – я лезу в карман за кошельком в тот момент, когда врач вытирает мокрые руки бежевым махровым полотенцем и следит за мной через овальное зеркало, не ожидая, что я это замечу.

– Это было несложно, поэтому нисколько, – отвечает Мира, поворачивая ко мне свое прекрасное лицо. Да-да. Именно сейчас я замечаю, как красива эта женщина.

– Странно! Разве сверхурочная работа не оплачивается?

– Нет, не оплачивается, – она смущенно отводит хризолитовые глаза. – О, уже почти двенадцать, пора закругляться.

– Хорошо, тогда не смею вас больше задерживать. Мира, благодарю от всего сердца. Вы точно не передумали? Все-таки был риск...

– Нет, Майк, все нормально. Может, выпьем по чашке кофе? – вдруг спрашивает девушка.

Чего-чего, а этого я совсем не ждал. Я киваю головой и тут же выхожу в коридор, направляясь к манящему дивану. Крепкий напиток перед длинной дорогой – то, что надо, он поддержит меня в бодром состоянии несколько часов.

Через несколько минут Мира передает мне черный кофе в фаянсовой чашечке.

– Где ваш друг? – с иронией говорит Мира Джонс, возвращаясь без белого халата, но в строгой обтягивающей фланелевой блузе.

– Позади вас, – я замечаю ее страх, ухмыляюсь и тут же спешу взять ситуацию в свои руки. Для того чтобы Мира чувствовала себя комфортней, я встаю рядом с волком, а она, наоборот, присаживается на диван.

– Через несколько дней жду вас на осмотр.

– Обязательно приедем, – вежливо заверяю я, потрепывая доброжелательно настроенного Джека за холку.

– Швы сниму, может, через неделю.

– Хорошо. И все-таки, почему вы наотрез отказываетесь принимать деньги? Удовлетворите мое любопытство.

– Заплатите за повторный прием. Не каждый день мне приносят из леса раненых животных. Ваш поступок поразил меня до глубины души, так что и вы меня простите за холодность в начале, – виноватая улыбка трогает розовые припухлые губы Миры. – В наше время не хватает добрых дел, а только они поистине ценны!

– Значит, я тоже ценен?

– Не выворачивайте смысл, Майк! Я имела в виду, что это хорошо. Достоинно уважения.

– Жаль, я это не снял, – с сожалением бубню я, глядя задумчиво в пол.

Тонкие брови Миры Джонс взмывают кверху, как две летящие ласточки.

– Вы не канадец, верно?

– Угадайте, Мира.

– Это несложно, Майк. Вы англичанин, довольно убедительно звучат в вас английские манеры и акцент!

– Не надейтесь, что я из дворянской семьи. Это далеко не так.

– Мне неважно, кто вы и откуда. Главное в человеке – открытость. Я всегда ценю в людях те качества, которые мы так привыкли открывать в последний представившийся момент.

– А вы интересная собеседница, Мира. Но мне уже пора. Дорога домой неблизкая.

– А где вы живете, если не секрет? Я вас никогда раньше здесь не встречала. Город маленький, все друг друга знают!

Мира задает вопрос, наклонившись к окну автомобиля, когда я сижу за рулем.

– Я купил особняк «Темный бор», он в двух часах езды по трассе. Может, вы знаете какие-нибудь секреты из его темной истории?

Глаза Миры округляются, и она тихо отвечает, едва двигая губами:

– О том месте, где вы сейчас живете, у нас не принято говорить вслух, дабы не накликать беды его прошлых хозяев.

– А что с ним не так, что случилось с этими людьми? – мой тон становится серьезней.

– Зачем вы его купили, Майк? – следует встречный вопрос взволнованной Миры.

– Я должен вам ответить сейчас?

– Необязательно! – она пожимает плечами. – Просто мой отец рассказывал мне в детстве несколько историй, связанных с вашим домом. Поверьте, не очень обнадеживающих.

– Вы вселили в мое сердце тревогу. Неплохо было бы послушать об этих историях за чашечкой чая. Например, здесь! – я указываю на кафе на противоположной стороне дороги, которое даже в эту позднюю пору приглашает посетителей в уютный вытянутый зал. Таким и должна быть привычная забегаловка на главной улице городка. – Может, через день-два. Когда вам, Мира, удобно?

– Я еще не сказала да! Но если вы настаиваете, позвоните мне, ладно?

– Окей.

Джип мягко катится вперед. Силуэт девушки быстро растворяется в дверях клиники, а само здание исчезает в полумраке безлюдных улиц. Я по инерции продолжаю поглядывать в зеркало заднего вида, но потом всю дорогу просто присматриваю за уснувшим волком.

Поместье встречало нас гнетущим молчанием и темнотой окон. Давящий вид дома вызвал дрожь, сердце поначалу бешено колотилось, но потом, когда проснулся Джек, я расслабился. Напряжение улетучилось.

Я вспомнил увертливого агента Билла Донатана, когда мы вместе осматривали владения. Я интересовался историей поместья, но он каждый раз уклончиво отвечал, что здесь год как

никто не живет. Последний владелец не пожелал вписываться в историю архаичного имени и просто исчез. Агент не смог мне ничего толком объяснить, поэтому я решил не обращать внимания на эти странности.

Странная тайна поместья «Темный бор» должна быть раскрыта. Я позвоню Мире Джонс через день, чтобы растянуть ожидание нашей встречи.

Глава 5

За эти дни я не сделал ни одного звонка! Не успел. Я посвятил все время обработке фотографий и чтению писем – довольно грубых, мягко говоря. Издательство необоснованно присваивало мне язвительные эпитеты неисполнительного человека, а в целом корреспонденция содержала сплошное нытье: «Мы не укладываемся в сроки! Когда же мы дождемся от тебя работу?» и так далее и тому подобное.

Еще мне приходится присматривать за альбиносом и исправно кормить его мясом, купленным в ту же ночь, после приема в клинике «Дар».

Дезинфицировать раны, в общем-то, несложно, но у меня это получается, только когда он ненадолго засыпает. И, конечно, тяжело ловить Джека, если у него плохое настроение. Да уж, уход – дело непростое!

Я подхожу к окну. Мое внимание привлекает мокрый первый снег в конце октября. Тучи сгущаются в плотную массу. Ветер играет с кронами деревьев, гоняет по дорожкам сада ковер листьев.

Я не стесняю волка в передвижениях. Он изучает человеческое жилье, доселе никогда не виданное, может в любой момент выйти на улицу, свободно ходить, куда заблагорассудится. Дверь в доме не запирается. Я не хочу отбирать у него право, данное ему самой природой. Все происходит на абсолютном доверии.

И еще я, наконец, оправил на электронную почту Тима несколько гигабайтов прекрасного материала.

Обедаю жареной картошкой с артишоками, вареными овощами, цветной капустой и кусочками сельдерея. Пью чистую прозрачную воду, набранную во флягу прямо с верхушки водопада. Я решаю прогуляться на свежем морозном воздухе, чтобы взбодриться и разыскать бедное животное, которое уже измучилось ходить на трех ногах. Хотя вру, он ходит на четырех, но прихрамывает. Вообще Джек быстро идет на поправку. Я уже подумываю позвонить нашему любимому врачу. Стоп! Я сказал «любимому»? Наверное, перенапрягся за компьютером.

В саду, на той самой дорожке, я обнаруживаю волка. Он молчит и отчужденно поглядывает на дом, то и дело задирая голову на слуховое венецианское окно, располагающееся под самой крышей и распахнутое настежь. Или у меня плывет в глазах, или мне все-таки кажется!

Нет, отнюдь нет. Я обеспокоенно топчусь на месте. Осторожно осматриваюсь и только потомдвигаюсь к парадному входу. Поднимаюсь по чердачной винтовой лестнице. Моя рука нервно застывает у дверной ручки, я почти касаюсь ее пальцами. Прислушиваюсь к громким ударам сердца в ушах и висках и берусь, наконец, за ручку. На моем лице появляется недоумение. Как это понимать? Я же сам несколько дней назад совершенно безрезультатно пытался открыть дверь. Очень странно.

Мягко, деликатно толкаю дверь из темного дуба. Смотрю на ЗАПЕРТОЕ ОКНО! Надо же, как со мной играет воображение.

Я заглядываю внутрь комнаты, скольжу рассеянным взглядом по старому пыльному паркету. Одна из стен, обшитая деревянными панелями, заставлена до потолка коробками, на которые наброшены какие-то пожелтевшие тряпки.

В самом дальнем конце комнаты стоят вазы с пестрым цветочным орнаментом и две старые резные прикроватные тумбы с хромированными ручками, изогнутыми полумесяцем.

Левая стена почти не захламлена. В одной из ниш под круглым окошком располагается этажерка, на ее полке стоит сломанная печатная машинка, рядом – чистый, пожелтевший от сырости лист бумаги. Кому все это принадлежало? Какие-то тайны мадридского двора.

С крутой конусовидной крыши тянется вниз белый провод с одной ввинченной лампочкой. Я не зажигаю свет – тут его, несмотря на грязные окна, предостаточно. Оставляю все как

есть. Ко всему прочему провод, словно его движет невидимая сила, раскачивается, особенно когда я прохожу под ним.

И ради этого окна я сюда поднимался, даже не зная, как попаду на чердак?

А теперь дверь каким-то чудом открылась сама, но закрылось окно. Мне в голову вдруг приходит очевидная мысль: теперь надо пойти в сад и опять посмотреть с того же места на чердачное окно. Что изменится на этот раз?

Я подхожу к слуховому окну, откуда открывается вид на мои скромные владения. Сверху лес кажется менее приветливым, отчужденным. Ему не видно конца. Этот вид успокаивает и засасывает в пучину грусти и меланхолии. Я не испытываю тоски, хотя ловлю себя на мысли, что совсем не хочу так жить в старости. Без голосов и смеха близких людей я просто однажды сойду с ума.

Я прислоняю ладони к окну и пытаюсь отворить его. Не поддается ни одна из трех створок. Я решаюсь уйти, и словно неведомая сила читает мои мысли. Дверь вдруг с протяжным скрипом захлопывается! Даже в испуге я сдерживаюсь от проклятий, хотя на языке крутится больше дюжины подходящих выражений.

И тут я замечаю странную вспышку, скосив глаза в ее сторону, смотрю на верхнюю полку этажерки под нишей, на желтый лист бумаги, лежащий рядом с печатной машинкой. Ох, это еще что?!

Я приближаюсь. Передо мной лежит странный на первый взгляд предмет.

Обруч или браслет диаметром чуть больше моего запястья, весьма тяжелый, толщина кольца чуть ли не в половину большого пальца. Сам металл, из которого отлит браслет, похож на сплав трех элементов – меди, олова и свинца. Это мои предположения, конечно. Но самой интригующей деталью была округлая выпуклость на вещице, гладкая на ощупь, идеальной формы, размером с наперсток.

– Откуда ты здесь взялся? Тебя же тут только что не было! – восклицаю я, удивляясь текстуре находки и колориту намешанных, словно в сумбуре, цветов: бурый, красный, охряный, желтый. Этот коктейль оттенков придавал увесистому изделию такой же сложный цвет.

Я подбираю чистый лист бумаги формата А5, на котором обнаружил находку, кручу в руке и кладу его на место. На кой черт он мне сдался? Оставляю здесь!

Потом я покидаю чердак и выхожу в сад, вороша на ходу кучи преющих листьев. Слуховое окно заперто. Значит, мне просто показалось. На радостях я успокаиваюсь, хожу взад-вперед по дорожкам. Осматриваю еще раз дом, окна, стены с разных углов. Воображение может разыграться от одиночества у любого человека. Думаю, акклиматизация прошла более чем успешно. Я начинаю привыкать к таким мелочам. Меня это, безусловно, утешает, но немного.

Я стою у окна гостиной в левом крыле, прямо напротив холла и парадной двери. Сквозь арку открывается обзор коридора правого крыла и дивана. Сидя на просторном подоконнике, я набираю номер Миры Джонс и прислушиваюсь к гудкам. Браслет лежит на журнальном столике, он всегда у меня на виду.

– Я слушаю! – раздается бархатный голос женщины на том конце провода.

На улице вечерело.

– Мира, здравствуйте! Вас беспокоит Майкл Эсм. Я надеюсь, вы еще не забыли, как принимали у себя раненого волка и его скромного сопровождающего?

– Такое не забудешь! – восклицает Мира, из ее голоса тут же улетучиваются сонные нотки. – Куда вы оба исчезли, позвольте спросить? Нельзя тянуть с повторным осмотром, Майк, это несерьезно!

– Он особо не жалуется.

– Волки – очень терпеливые животные, поверьте на слово, – она ненадолго задумывается. – И вы, видимо, тоже.

– Я решил, что сейчас – наилучшее время назначить нашу встречу...

– Встречу? Вы так думаете? – неуверенно переспрашивает она.

– Я имею в виду прием, но если хотите, можно отложить до следующего раза, а сейчас встретиться в том кафе! Как вы на это смотрите, Мира?

– Вы приглашаете меня на свидание?

Я задумываюсь:

– Да, если хотите! – отвечаю уверенно, не надеясь получить желаемый ответ, но получаю его.

– Хорошо, Майк, завтра в шесть устроит?

– Конечно. С вами – в любое время, – громко отвечаю я.

Мира вполголоса смеется.

– Идет, Майк, тогда до встречи. И если не затруднит, привезите мне свежие снимки с Джекком. Я хотя бы по ним отслежу его состояние.

– А это возможно?

– Конечно же, нет, но я попробую.

– Мира, он постоянно где-то бродит, я его почти не вижу. Сделаю, что смогу.

– До встречи, Майк.

– Пока, Мира.

Я бросаю телефон, целясь в диван. И тут мой взгляд падает на браслет, который безмолвно, терпеливо лежит на стекле. Что он такое? Как он оказался на этажерке? Как он появился там, где его поначалу не было? За несколько мучительных часов эти вопросы свели меня с ума. Этот день меня раздавил психологически, я пребывал в смятении, угнетенно рассматривая проход в холл.

И я замечаю еще кое-что!

В воздухе повисла Тень, она расширяется в стороны. Колеблющийся кокон, казалось, следит за мной, будто он здесь из-за меня. Я чувствую себя из-за этого неуютно, мне не по себе. Меня охватывают боль, паника, ужас, но встать с подоконника я не могу, словно весь обмазан клеем. Я ощущаю, как плавится мой мозг, как он горит, превращается в кипящий свинец.

Пылает где-то... Кто так истошно кричит?!

Я падаю с подоконника, приходя в сознание уже на полу, больно ударившись головой и плечом. Неужели я задремал? Но этот кошмар показался таким реальным, что я сразу устремляю взгляд в холл, где должно сейчас витать черное облако. Голова болит, я поднимаюсь на ноги, беру со столика браслет и ухожу спать, чувствуя себя разбитым.

Глава 6

Следующий день, а это уже первое ноября, я провожу в компании волка. Только и делаю, что поглядываю на медленнодвигающиеся стрелки часов. Джек без ехидства позирует мне от силы несколько минут, сохраняя бесстрастное выражение морды и никак не проявляя своего отношения ни к происходящим глупостям, ни ко мне, ни к фотокамере, издающей раз в три секунды до пяти щелчков.

Я застаю его возле клумбы, цветущей, несмотря на легкий мороз. Цветы, как ни в чем не бывало, усердно растут, стараются изо всех сил дотянуться великолепными бутонами к ясному чистому небу, на котором едва заметно проплывают скопления перьевых облаков.

– Bravo, Джек! Теперь будет чем похвастаться на встрече. Не переживай, после этого я вернусь. Ты ведь присмотришь за домом в мое отсутствие? Не рычи, пожалуйста, так. Чуть не забыл, раз уж все равно нечем заняться, напечатаю письмо брату. Надеюсь, он мне ответит!

Набираю я текст на клавиатуре ноутбука недолго, часто отвлекаюсь: то смотрю в окно, то просто нос чешется. Минут десять уходит, чтобы письмо оправилось к адресату. Встряхиваю головой, чтобы не расстраивать себя мыслями о брате.

К сожалению, наши отношения в последний год стали натянутыми по массе причин.

Каких? Их всего две, но они действительно как занозы: его горе-жена Элиза (они женаты всего полгода, но живут вместе почти все время после моего переезда в Канаду) та еще стерва. Не переносит меня на дух, считает глупцом, неудачником. Каких нервов мне стоило приехать к ним на свадьбу в Торонто. Да, да, она канадка, и теперь я и Доминик – соседи. Я имею в виду страну. Так уж случилось, что нам посчастливилось почти одновременно оставить уютный уголок юго-восточной Англии, любимый Дорчестер, и родного дядю Джордана с его забываемым фермерским хозяйством.

Уезжать в Канаду было нетрудно, только вот обратной дороги я себе не представлял. Меня все устраивало, за исключением личной жизни. В Англии мне проходу не давали, выбери любую, но ни с одной я не задерживался и месяца. Ничего такого не подумайте. Я просто искал Ее. И ведь нашел! Дорогая мне когда-то Иви осталась сном. Она растерзала мое сердце, растоптала любовь, и тогда я ушел – молча, по-английски.

Вторая беда носила гордое имя Доминик Эсм. Младший брат, большой ворчун, занял сторону своей вечно обиженной жены и всячески ей потакал. Поэтому и получился весь сыр-бор. Хотя была и щекотливая ситуация с Элизой, но, уверяю, в этом нет моей вины!

В полдень погода портится бесповоротно, ну просто ведро осадков проливается за несколько дней вперед. Видимо, дамбы у местных туч прорвало, и они сговорились утопить все леса Юкона. Такого проливного дождя я не упомяну с последнего месяца лета в Ванкувере. Но меня не это волнует и даже не грядущая встреча с привлекательной Мирой Джонс. Я смотрю на браслет и задумываюсь. Почему я так долго ломаю голову над его предназначением? Может, мастер снимал стресс такой работой с металлом? На поверхности нет ни единой царапины, но на раритет вещица не похожа.

Я откладываю браслет в сторону. Звонит начальник. Я удивляюсь такому быстрому звонку:

– Привет, Тим. Вы получили то, что хотели?

– Привет и тебе, Майкл, – голос Тима звучит невесело. Кажется, беседа уготовила мне головную боль на весь оставшийся вечер. Я такое чую на расстоянии.

Моя дружба с Харди завязалась на одной из выставок фотографов, в которой участвовал и я. Естественно, в родной Англии. Он один из тех издателей, кто считает фотографию чуть ли не самым передовым искусством. Передача цвета, фокус, игра с живым миром заставляют трепетать его сердце. Харди искал идеальную передачу, и он ее нашел.

Конечно, трения свойственны даже лучшим мастерам своего дела. И он как раз звонит, чтобы упрекнуть работника в тех выкрутасах, какие я не позволил бы себе в начале сотрудничества.

– Я не знаю с чего начать, Майк. Я огорчен твоей нынешней работой. То, что мы получили, мягко говоря, не вписывается ни в какие рамки. Будь добр, объясни мне, что ты хотел этим сказать?

Моя челюсть не желает закрываться, я слушаю его, затаив дыхание.

– Я не понимаю, Тим, о чем ты говоришь.

– Странно от тебя такое слышать. Я всегда думал, что ты, прежде чем отдать нам материал, хотя бы просматриваешь его. Неужели я в тебе ошибался все эти годы? Такое лепить в предпечатной подготовке!

– Да что происходит, Тим? Ты можешь по-человечески мне объяснить свое разочарование? Я несколько дней потратил, чтобы отсортировать снимки.

Тим умеет не замечать моего негодования, что тут поделаешь. Я в ответ слышу сухой кашель и скрип его любимого потертого кожаного кресла. Гнев тем временем застилает мне глаза.

– Фотографии ужасно засвечены. Мы все подумали, что за тобой ходит привидение.

– Прости, что? Я не ослышался? Я два дня над ними корпел. Ни единого блика, ни одной засечки, они просто идеальны!

«Слепые идиоты!» – думаю про себя, продолжая вслух защищаться.

Тим смеется.

– Отличные, говоришь! Присмотришься к ним лучше, потом поговорим...

– Постой! Что насчет оплаты? Ее, видимо, не будет?

– Пока не будет. Исправишь все, тогда поговорим, Майк. Думаю, не имеет смысла обсуждать это сейчас. До скорого.

В моих зрачках искрится пламя, сердце норовит выпрыгнуть из груди, я готов крушить стены, готов кричать прямо в лицо Тиму Харди, чтобы он шел далеко и надолго. Если бы они только знали, чего стоили мне эти кадры. Медведь, стая волков, бой, развернувшийся у меня прямо под носом! И все это ради долбанного журнала, пусть и коллекционного!

Все фотографии я храню на карте памяти, у меня есть копии на компьютере, и, естественно, весь материал я могу в любой момент пересмотреть – хоть прямо сейчас. Тем более что фотоаппарат лежит у меня на коленях. Я думаю, что так и поступлю, но Джек отвлекает меня своим ворчанием. Он требует сырого мяса. Главное, чтобы хищники в доме были сыты и довольны, а иначе, чего недоброго, Джек полакомится мной.

Перед поездкой я все же решаю вздремнуть. О фотографиях я сразу забываю: встреча с Мирой поглощает меня, и вот я уже ни о чем не могу думать всерьез.

Я волнуюсь. Волк, довольный, уходит через холл на улицу, он все уверенней опирается на свою перевязанную лапу. Я бросаю взгляд на ручные часы. Ровно три часа до нашей встречи. Дорога займет от силы часа два, может, чуть меньше.

У меня в запасе остается сорок пять минут отдыха, остальное время – на поездку.

Хотя, признаюсь честно, я хочу отвлечься от всего, что случилось со мной за последние несколько дней. Несомненно, на всякий пожарный, я включаю будильник, устраиваюсь удобней на диване, облизываю сухие губы и закрываю глаза. Браслет всегда находится в доступной близости, и я опять хватаю эту штуковину, кручу ее в пальцах. Я долго лежу в полумраке и жду звонка будильника. Не помню, когда возвратился в сознание. Веки еще не открываются.

Я прислушиваюсь к звукам дома, хочу понять, чем он дышит, в каких закоулках прячется его старость. Куда проникает запах последнего месяца осени. Слышу треск половицы на втором этаже. Некоторое время спустя я хватаюсь за голову: так по-свински проспать могу только я.

Без четверти пять я съезжаю с холма на глухую темную трассу «Рок».

Надеюсь, Мира не обидится за получасовое опоздание. Сумка с камерой брошена на сиденье, я сутулюсь и зеваю за рулем и предвкушаю приятное продолжение вечера. Для меня эта встреча означает немного больше, чем просто возможность мило посидеть, поболтать. Хотя, естественно, многое зависит от самой Миры Джонс и ее отношения ко мне.

Еще нет семи, когда я паркуюсь за перекрестком, – по дороге возникли мелкие неприятности с мотором старенького автомобиля. Я подбегаю к кафе, уже не надеясь застать эту прекрасную девушку, и вижу, что она как раз выходит из дверей. Вообще-то я предупредил ее о том, что задержусь, но, видимо, ей все равно наскутило меня ждать.

Она смотрит на меня пылающими хризолитовыми глазами в обрамлении густых черных ресниц недоброжелательно, с неприкрытым вызовом и обидой.

– Прости, Мира, за опоздание, я так рад, что ты дождалась меня, – говорю я, стараясь потушить в зачатке бурление лавы в крови, которое поражает пока только вены, а не мозг.

– С каких это пор мы с вами перешли на ты?

– Прости, то есть я хотел сказать, простите мне эту дерзость. Хотя я не вижу ничего плохого в том, чтобы, наконец, начать с вами дружеское общение.

– Для начала, Майк, надо было вовремя приехать! – упрекает меня Мира.

Я виновато опускаю голову и улыбаюсь, пожимая плечами:

– Понимаю, мне нет оправдания. Уповаю на вашу милость и доброту, Мира, и прошу простить меня.

– Ну, хорошо, так уж и быть, принимаю твои извинения.

– Ты? То есть я не ослышался?

– Нет, Майк, не ослышался. Идем в кафе, пока я не передумала.

Зал рестораника выглядит просто и мило одновременно. Длинный вытянутый зал, как в закусочных, уместил под крышей семь пар красных диванов со столами, барную стойку и двух посетителей.

Мы садимся посередине, рядом с огромным чистым окном. Через три столика, напротив, сидят два пожилых человека, они бросают по очереди на стол карты, возмущаются и без всякого смущения разглядывают меня с головы до пят. Не обращая никакого внимания на мое недоумение.

Моросит легкий дождик. Если бы не свет от фонарей и не это окно, я бы ни за что не подумал, как снаружи зябко и мокро.

Едва мы входим в теплое помещение, Мира расстегивает молнию на облегающей серой куртке, бросает ее на спинку дивана и присаживается напротив.

Я тоже раздеваюсь.

– Как Джек? Идет на поправку? Когда я смогу его снова осмотреть? – она нарушает молчание первой.

– Хочешь поговорить о волке? – участливый тон немного располагает ее, несмотря на весьма бестактный встречный вопрос. – У него отлично заживают раны, я исправно их обрабатываю, перевязываю, соблюдая технику безопасности. Так лучше?

– Вполне. Ты обещал мне показать снимки с Джеком!

– Все будет, но давай для начала хотя бы что-нибудь закажем. Я умираю от голода.

Возле нашего столика, будто прочитав мои мысли, возникает официантка. Полная женщина за сорок, одета в зеленое платье, страшно обтягивающее жировые складки. Светло-сиреневый фартучек на талии и аляповатый козырек, затерявшийся в буйных коротких завитках волос цвета скошенной пшеницы.

– Что будете заказывать? – громкий голос звучит вроде бы доброжелательно и неагрессивно, но ее глаза пренебрежительно изучают мою скромную персону. Официантка держит

наготове ручку и блокнот. Его засаленные листы покрыты масляными пятнами и следами вишневого пирога, только что поданного нашим соседям – старикам.

– Мне как обычно, Виктория, – Мира отвечает, не глядя в меню, которое, как я уже заметил, было весьма скудным.

В принципе, это особенность всех забегаловок, косящих под заведения более высокого класса. Зато пей – не хочу: и водка, и соки, и просто вода из-под крана. Как это делает сейчас вон тот старик в оранжевом свитере, с пепельными бровями и круглыми очками, из-под которых он косится на меня, недобро ухмыляясь беззубым ртом.

– Вы выбрали, молодой человек, или мне позже подойти? – ворчит Виктория, все еще не теряя надежду вписать в блокнот мой заказ.

– Быть может, салат из креветок и зеленый чай, – отвечаю я.

– Креветок нет уже неделю, – равнодушно поясняет официантка, сжимая и разжимая пальцы упитанных рук на пластмассовом стержне. —

Из морепродуктов не осталось ничего...

– Давай я нам закажу! – облегчает мне задачу моя спутница.

– Точно, Мира, а то гость сам не знает, чего хочет, – раззадоривается не на шутку женщина, которую я, кажется, начинаю тайком побаиваться. Или она меня просто злит?

– Не надо нам моря, Виктория, принеси гостю то же, что и мне, ему понравится, правда, Майкл?

– Да, конечно.

О чем она, в самом деле, что тут может понравиться? Оказывается, это место просто ужасно, я хочу поскорее отсюда уйти.

Когда официантка выходит из зала, я спешу заговорить с Мирой:

– Вообще-то я совсем не ем мяса, я вегетарианец, сам не знаю, почему попросил креветок.

– Бывает, но в них же почти нет этого мяса. Я тоже не жалую бараньи ребрышки и свиные отбивные. Я привыкла им помогать, а не наоборот. Ты продолжаешь меня радовать, Майкл. Сколько же в тебе еще благородного, позволь спросить?

– Много! Хватит на двоих.

Мира неожиданно заливается краской. Я никак не могу отвести от нее глаз, и она смущается под моим пристальным взглядом.

– Я так долго тебя здесь ждала, что не смогла удержаться от заказа. Считай, я только за компанию поем.

– Что именно, если не секрет, нам подадут?

– Пиццу и яблочный сок с зеленым чаем.

– Я Виктории определенно не нравлюсь!

Мира загадочно улыбается.

– Это обычно для местных жителей, привыкай. Они тебя не знают, ты здесь чужой, поэтому где-то полгода придется примелькаться. А там они о тебе совсем забудут и перестанут разглядывать.

– Какой мне смысл этим заниматься? – удивляюсь я, откидываясь на мягкую спинку дивана.

– Ты сам выбрал это место, – пожимает плечами девушка.

– Нет, не это место, Мира. Мое место в глухом лесу, стоит, спрятанное на крутом холме. И ты обещала мне рассказать о нем все, что знаешь!

– Конечно, расскажу, куда я денусь, – ее взгляд скользит по мне. Я чувствую странное притяжение к Мире, но быстро отвлекаюсь на поданное угощение. Сильные руки Виктории мельтешат перед носом.

– Приятного аппетита, – бросает она и быстро ретируется к старику в оранжевом свитере и его партнеру по карточной игре. Они заговаривают, и старик снова невежливо смотрит в нашу сторону.

– Почему ты другая, не такая, как они?

– В смысле, какая я, по-твоему?

– Не суешь свой нос в чужие дела. Ты сама по себе.

– Знаешь, я в детстве была похуже многих этих стариков. Неконтролируемая, вредная, гуляла одна в диком лесу. Убегала туда часто из дома, ощущая себя при этом свободной, живой. Отец любил меня за это прилюдно ругать. Он боялся, что я когда-нибудь дойду до твоего особняка и больше не вернусь.

– Отчасти он прав. В лесу одной небезопасно. Будь я на месте твоего отца, отшлепал бы тебя. В профилактических целях, конечно.

Мира молча приподнимает бровь.

– Иногда я была не одна. Меня сопровождал мой друг детства.

– Он до сих пор у тебя есть? – я чувствую любопытство и капельку ревности.

– Нет, он мне не друг уже давно. Только знакомый, не больше.

– Почему? Вы поссорились?

– Я бы не хотела вспоминать его сейчас, если ты не против.

– Тогда с удовольствием послушаю истории о своем доме.

– Список его жильцов невелик, но прежде, чем я начну, можно спросить?

– Конечно, Мира, спрашивай! – я отпиваю зеленый чай из белой кружки.

– Почему это так важно для тебя? Ты тоже испытываешь что-то подобное, что и предшествующие хозяева?

– Что? О чем ты? Я понятия не имею, что услышу сейчас от тебя и возможно ли это как-то связать с тем, что видел я.

– Ага, значит, все-таки что-то случилось. Расскажи, Майк, – умоляет она.

– Сначала ты, – прошу ее. Жаль, нас разделяет прямоугольный столик. Я не могу в полной мере насладиться блеском ее глаз, которые сегодня восхитительно подчеркнуты черными стрелками. – Есть у меня слабое ощущение, что я там не один. Но это же так естественно ощущать в старых домах, верно?

– Конечно, – отзывается с иронией Мира, подпирая лицо ладонями.

Тут мои брови вспархивают вверх, как бы намекая: я ожидаю начала рассказа. Не томи...

– Ты живешь с волком, разве не так? – смеется Мира, переводя взгляд на притихших посетителей. Она знает, что я за ними наблюдаю.

Два деда давно отложили игру в карты. Они неумело изображают заинтересованную беседу, но две пары ушей, словно локаторы, повернуты в нашу сторону.

Я не собираюсь шептаться, но и говорить так громко, чтобы услышали посторонние, не стану. Косясь на пожилых мужчин, я замечаю их ухмылки, которые меня не только отвлекают, но еще и жутко раздражают. Я сжимаю кулаки под столом, чтобы Мира этого не видела.

– Не обращай на них внимания. Они оба выживают за счет сплетен – это их досуг и смысл жизни. Теперь разнесут по городу новости о нас с тобой, словно местная пресса. Смешно звучит. Косые взгляды теперь мне по гроб жизни обеспечены, – она горько вздыхает.

– Не говори так, Мира. Можно ведь уехать туда, где тебя никто не будет осуждать. Им никто не давал права болтать о тебе.

– Однако ты их уже ненавидишь, Майк. Представь, что я должна чувствовать, когда о тебе то и дело судачат! – из груди Мира вырывается еле заметный стон.

– Ты местная знаменитость? – я ободряю ее самой восхитительной улыбкой, какую только способен изобразить. Не хочу сгущать тучи над ее светлой головой.

– Благодарю, Майк, за поддержку, – отвечает она, избегая моего пронзительного взгляда. – Но обо мне говорят еще с подросткового возраста. Поэтому мне все равно, что они скажут.

– Думаю, теперь можно начинать? – напоминаю я Мире, готовой вот-вот выпорхнуть из-за стола и броситься на улицу, домой.

– Да, мы отвлеклись немного. Не очень давно неизвестный богатый человек покупает землю в лесу под строительство дома. Мой отец не смог припомнить ни имя этого многоуважаемого господина, ни того, кем он был и откуда. Но построить особняк и тем более заселиться ему не удается – по причине внезапной смерти. Жизнь этого человека неожиданно теряется на страницах истории. О нем никто ничего не знает, будто его и не было никогда.

Однако после пяти лет поиска инвесторов особняком интересуются местные власти. Они начинают серьезный проект, нанимают лучших инженеров и архитекторов. Вдруг все единогласно принимают решение достраивать дом по старым чертежам пропавшего богатея – это должен был быть особняк в стиле европейского Средневековья, готики. Во время кладки стен происходят несчастные случаи. Два человека пропадают бесследно, проект решают заморозить на неопределенное время.

Об этом чуде узнает знаменитый писатель Эдвард Хирсой, разбогатевший на серии книг «Чудо света!», «Время!», «Бег в темноту!». Он выкупает объект, делает перепланировку и доводит особняк до совершенства. Именно таким запомнили его жители наших краев: огромные окна, уходящие вверх башенки, стрельчатые арки, декорированные фронтоны. Все эти элементы уже потеряли свой блеск и шик и едва заметны в доме сейчас.

Правда, поместье не сразу приняло современный облик, каким его увидел ты, Майк. Современный стиль стремительно меняет многие древние здания. Эдвард Хирсой и его дочери стали первыми полновластными хозяевами поместья. Мы неохотно вспоминаем подробности их злосчастной истории. Поверь, в доме творилось что-то ужасное.

Младшая дочь страдала психическим расстройством, поэтому отец и ее старшая сестра присматривали за ней. Эдвард мечтал о покое, которого так недоставало в шумных городах. Старики наши даже по ночам не умолкали. Кричали: мол, загубит он своих красавиц, сам поедет и молодых за собой...

– Постой! – тут я не выдерживаю. – Откуда вы столько о них знали, если сами побаивались туда ходить?! Ты будто рассказываешь о проклятии, привидениях и вообще о тех ужасах, в которые люди предпочли бы не вмешиваться, тем более верить!

– Дослушай до конца, пожалуйста. Знаешь, Майк, люди многое умеют неплохо приукрашивать. Я рассказываю только то, что слышала от отца, дословно.

Итак, прошло три недели, как они вселились в новый дом. И тут произошла необъяснимая пропажа Сильвии, старшенькой. Ее больная сестра два дня, пока отец отсутствовал, пряталась в кладовке. Когда ему удалось отыскать дочь, она была не то что не в себе. Отец ее просто не узнал. Она поседела и состарилась от пережитого ужаса. Из ее перекошенных губ вырывались приглушенные слова и стоны: «Демон! Я видела демона. Он забрал ее, унес Сильвию в преисподнюю».

Тогда Эдвард вызвал полицию. Возбудили дело о похищении, но никаких следов на месте происшествия обнаружено не было. Копы любят останавливаться в нашем кафе, поэтому новости быстро разносятся – только успевай слушать, – Мира мельком поглядывает на официантку Викторину, показавшуюся за стойкой, потом ровным голосом продолжает рассказ. – Бедную девочку сдали в психушку до скончания дней. Отец застрелился.

М-да, вот тебе история из жизни людей, когда-то несчастно окончивших свои дни там, где сейчас живу я. Энергетика, мать ее. Стоп! Я сказал: энергетика! Не это ли слово произнес таинственный Адмунт Риз на тропинке? О чем же он меня предупреждал? Быть может, ко мне

приходил призрак бедняжки Сильвии в образе Ивелен и хотел просто предупредить?! Ведь посетительница совсем не желала мне зла, напротив...

О, боги! Но что ей от меня нужно? И возможны ли настолько тесные объятия с мертвецом! Меня передергивает и обдает холодом. На лбу проступают бисеринки пота.

– Давай немного передохнем, пожалуйста. Здесь становится жарко, – я стараюсь сосредоточиться на восхитительном лице Миры. Все-таки какая она красивая!

– Я не устала, – Мира втягивает голову в плечи, будто от холода, хотя в помещении градусов двадцать пять.

В ответ я простодушно улыбаюсь и решаю перевести разговор на более приятную тему:

– Ты добрая, красивая...

– О, да ты разошелся. Но все равно благодарю за комплимент, Майк. Правда, очень приятно.

– Я серьезно. Ты находка для любого мужчины. Теперь я знаю, какой женщины мне всю жизнь не хватало.

– Притормози, Майк, а то мне придется убежать с нашего свидания.

Что ж, серьезное предупреждение от смущенного ветеринара.

Мы на какое-то время смолкаем. Я пробую на вкус местную грибную пиццу. Хм, неплохо. Выпиваю сок и принимаюсь за новую порцию вопросов.

– Три долгих года особняк обрастал пылью. Интерес он вызывал только у охотников за привидениями.

– Не так уж вы и далеко от моего дома! Два – вон, пешком добрались. Как вы с этим живете?

– Мы там не живем, чего не скажешь о тебе, Майк. Это меня больше беспокоит. Как бы чего не вышло.

– Вот видишь, ты уже беспокоишься обо мне! – не упуская случая, я возвращаю ее на романтическую волну.

– Прости, а кто подходил к особняку?

– Старик, представился как Адмунт Риз. Начал мне втирать, что у него пропала собака. Он и его сын прочесывают лес в округе, надеются ее отловить.

Я слышал ее лай неподалеку, не могу понять, что ее притягивает туда!

Мы оба молчим.

– Ты знаешь семейство Ризов?

Я вижу, что ее передергивает. Точь-в-точь как меня недавно.

– Немного. Иногда тут пересекаемся. Они ездят на синей «импале», точнее, его... сын.

– Ты ему нравишься? – интересуюсь я.

– Что? – мой вопрос ей явно не по душе. – Мне продолжать рассказ? – лицо Миры мрачнеет.

– Конечно, прости, – я извиняюсь и продолжаю следить за галдящими, как две сороки, стариками. – Кто после смерти старика Эдварда осмелился стать хозяином дома на холме?

– Через три с половиной года в его стены попадают молодожены! Очень сложно пересказывать реальные истории, которые происходили совсем рядом с тобой, по соседству. Никто не мог им помочь. Когда я думаю, то пытаюсь прочувствовать все то, что им пришлось пережить. Потом долго не могу прийти в себя. Я однажды увидела этот дом. Когда я там оказалась, у меня сперло дыхание – я просто задыхалась. Его вид пугает, живых звуков леса в округе не слышно. Не поют птицы, звери прокладывают себе тропы за многие мили вдали. Ты обрастаешь липкой паутиной смертельного ужаса, даже когда случайно натыкаешься глазами на его стены.

– Ты лазала через забор? Он довольно высокий! – сообщаю я своей спутнице. Мире неприятно вспоминать о несчастных молодоженах. Но мне-то от этого не легче. Думаю, теперь знать правду я обязан, а иначе, неровен час, и сам пополнию ряды этих несчастных.

– Нет, естественно! Достаточно посмотреть через ворота. Но я продолжу.

Итак, об этих молодых людях я могу сказать только то, что они прожили в доме больше полугода, но жили не постоянно. Жена охотно согласилась с желанием мужа реконструировать тяжелое готическое жилище, осовременить его. Но дом сопротивлялся.

Они пропали в сентябре. Копы спохватились после заявления родителей обоих. Особняк обыскали вдоль и поперек, но опять не обнаружили ни следов, ни свидетелей. Родители долгое время были в ссоре с детьми, не созванивались, не интересовались их личной жизнью, и вот такое, Майк. Только представь себе их горе!

– Родители с обеих сторон? Интересно, как можно находиться в конфликте сразу со всеми? – мое любопытство не знает границ. Я, должно быть, очень скоро надоем Мире.

– Прости, но копы об этом не распространялись, да и мне в тот момент было всего пятнадцать.

– Ом. Извини. Значит, твой отец был в курсе всех новостей?

– Возможно, но он об этом и словом не обмолвился.

Я нервно ерзаю. Все эти истории вселяют в меня трепет и смятение. Я пока не знаю, как правильно себя вести.

– Перед тобой, всего год назад, увезли в сумасшедший дом журналиста, мужчину средних лет. Надеюсь, его вылечат. Он прожил в доме около месяца, во всех забегаловках и магазинах до сих пор говорят о нем, – продолжает Мира. – Он единственный, кто не исчез без следа. Даже пару раз вызывал полицейских. Извел людей своим страхом. Но, понимаешь ли, этот таинственный журналист жил уединенно и приезжал в город только один или два раза, может, еще по ночам.

Я не вникала и в этот раз, уж прости.

Девушка виновато пожимает хрупкими плечами, опустошая стакан яблочного сока.

– Снова вмешалась местная власть. Особняк опечатали. Пригласили ученых, геофизиков, специалистов по разным потусторонним мирам и сверхъестественным явлениям. Как потом представили в докладе ученые, там разлом земной коры, представляешь? А в других источниках давали такое странное объяснение происходящему: «Пространство разрывает открытый источник энергии в виде столба или гигантского круга, который, в свою очередь, засасывает живые объекты, как в воронку. Находясь поблизости геопатогенной зоны, человек или животное чувствует беспокойство. Он либо наполняет, либо опустошает сосуд жизненной энергии своеобразными потоками энергии в пространстве». Что самое интересное, Майкл, в это никто не поверил, хотя все факты налицо. Люди пропадали бесследно, никаких тел...

– Ты веришь в пространственно-временные феномены, когда переходы между параллельными мирами в определенные промежутки времени распахиваются, словно двери?

– Я не утверждаю, это только теория. Но вспомни слова младшей дочери Хирсоа. Она говорила, что видела демона. Он забрал ее сестру с собой, в параллельный мир. Был открыт портал, и он до сих пор в твоём доме. Вопрос только, когда он откроется.

– Бывает, что люди безвозвратно исчезают, но это еще не означает, что в этом замешаны сверхъестественные силы. Иногда люди находятся, но ничего не могут вспомнить.

– Я не знаю, Майкл. Но там определенно опасно. Не хочешь же ты это проверять на себе? Скажи, что нет!

– Хочешь со мной туда? Я покажу дом изнутри. Он довольно мил.

– Что? Нет, конечно! Даже не думай об этом, я туда ни ногой!

– Почему? – удивляюсь я. – Я могу тебя переубедить.

– Прости, но я тебя почти не знаю!

– Но ты же была там однажды. Что тобой двигало? Интерес, любопытство, жажда приключений? Не страх ведь?

– Я просто хотела увидеть дом собственными глазами. Понять, так ли черт страшен, как его малюют.

– Как же я там, по-твоему, живу?

– Не знаю, Майкл. Вот поэтому я и беспокоюсь о тебе. Ты сам не знаешь, что происходит, ведешь себя, словно слепой котенок. Но, поверь, быть в неведении или делать вид, что ничего не происходит, не значит жить в безопасности.

– Наверное, по-другому скучно. Все-таки подумай еще раз над моим предложением.

Мира сверкает хризолитовыми глазами. Я вижу, как она злится. Что со мной? Что я выпил, сок ли это был?!

– Теперь твоя очередь, Майкл! Расскажи о своих приключениях. Мне же теперь надо разговаривать с людьми о тебе. Когда нам ждать копов и...

– Прекрати! Совсем не смешно, – меня передергивает еще минут пять после того, как я услышал историю особняка, и начинает выворачивать наизнанку от одной мысли, что нечто подобное может произойти и со мной.

– Ты сам хотел это услышать. И ты свое узнал. Так теперь, будь добр, удовлетвори любопытство скромной девушки.

Я смотрю на Миру, как еще не смотрел ни на одну женщину в своей жизни. Не знаю, что она может прочесть на моем лице, но Мира изо всех сил старается как можно реже поднимать глаза. Она разглядывает поверхность деревянного стола, то и дело косится на стеклянную дверь кафе за моей спиной.

– Как тебе сказать, – вяло начинаю я. – Один раз я отчетливо слышал шаги на втором этаже, когда ужинал на кухне. Это было удивительно, ведь в доме никого, кроме меня, нет. Странно, правда!

Потом я коротко описал ей все мало-мальски жуткие моменты, включая и пару слов про браслет – для остроты повествования. Хотя на самом деле я не шучу, незачем устраивать шоу там, где столько смертей, бед и горя.

– Можешь показать мне эту вещь, Майк?

– Конечно. Только осторожно с ней, штука тяжелая.

Внутренний карман куртки провис под весом этой вещицы. Я достаю браслет и протягиваю Мира. Потом, передумав, кладу его на стол рядом с пальцами девушки.

Она с интересом разглядывает это великолепие. Ее губы сначала сжимаются в тонкую прямую линию, потом раскрываются, чтобы задать вопрос:

– Что это?

– Сам хочу знать. Он появился, как по волшебству! Ты веришь мне?

– Конечно, Майк, почему бы и не поверить. Здесь уже почти ничему не удивляешься. Очень странный предмет! Я о его существовании ничего не слышала, то есть его никто прежде не находил.

Мира думает, что браслет весит как минимум десять килограммов, поэтому, осторожно ухватившись пальцами за его ребро, приподнимает над поверхностью стола на несколько миллиметров.

Любопытство – штука чрезвычайно опасная, но именно она является двигателем человеческого прогресса в любой сфере, будь то поиски противоядия или покорение бесконечного космоса. Подсматривать в замочную скважину безопасней, чем отворять дверь, не правда ли?!

– Ты пробовал его надевать?

Но как только браслет кочует в ее ладонь, я грозно предупреждаю, чтобы она ни в коем случае не надевала вещицу.

– Прости, Майк, – виновато отзывается Мира и возвращает мне браслет под пристальными взглядами притихших стариков.

– Мы можем только догадываться, для чего это создали, – тихо поясню я.

– Перестань. Ты очень мнительный, – улыбается Мира.

Я не обращаю внимания на ее безобидные насмешки.

– Он лежал на обычном листе бумаги, на котором его поначалу не было!

– Может, тот листок есть не что иное, как инструкция к использованию этой штуковины?! – продолжает издеваться Мира, постукивая ухоженными ноготками по столу.

– Думаю, ты права. Это пустяки. Забудь!

– Боже, как быстро время несется. Тебе еще так далеко ехать, не боишься? – лукавая улыбка преображает Миру. Моя обычно сдержанная спутница поворачивается ко мне неожиданной стороной. Я понимаю, что она не так проста, как кажется на первый взгляд. Сам виноват, что нарвался на подобные шутки. Кажется, я слишком серьезно подхожу к нашему разговору.

– Когда я с Джеком смогу попасть к тебе на прием? Тебя же беспокоит его состояние.

– Конечно, как врача беспокоит. Второго ноября устроит? Завтра.

– Да, вполне.

Так и договорились.

Я ловким движением кладу браслет обратно в карман. Надеюсь, по возвращении не обнаружу вместо него большую дырку.

– Значит, говоришь, с Джеком все в порядке?! А можно посмотреть на снимки, которые ты сделал по моей просьбе?

– Недурно, во всяком случае! Вот, держи, – я передаю ей фотокамеру, стараясь держать в поле зрения взгляды всех любопытных в этом заведении. Неважно, какого ты возраста, главное – чтобы слух не подводил, и тогда можно придумывать разные сюжеты нашего с Мирой задушевного разговора. Надо же, как они удивляются этой беседе.

– Я думаю, пора закругляться.

Проходит несколько томительных минут. Я терпеливо ожидаю ответа Миры, но она почему-то молчит.

Я устал и хочу скорее покинуть навязчивое общество стариканов, которые продолжают развешивать до безобразия вытянутые уши, сосредоточенно пожевывать тонкие морщинистые губы в безмолвном ожидании удачи, общей для всех шпионов, которые слышат интересности первыми. Я думаю, что так сегодня и произошло.

Естественно, меня тут больше не будет, и я надеюсь здесь с Мирой никогда не встречаться. Этого раза хватит выше крыши. Мысленно ругнувшись, я обращаю внимание на собеседницу.

Мира к любому вопросу подходит серьезно. И сейчас ее лоб испещряют крохотные морщины: она скрупулезно просматривает снимки, разжигая во мне неподдельный интерес.

– Ты будто пытаешься по фотографиям волка лечить, – негромко покашливаю я.

– Что это, Майк, на каждом снимке?! Вот, сам посмотри...

И я, конечно, смотрю. Фотокамера сама перемешала файлы, все перепутала, так что Мире ничего не оставалось, как выискивать среди моих рабочих кадров интересующие ее снимки с волком.

– Ты неплохо фотографируешь, – хвалит она, заметив мой растерянный взгляд.

Я не верю собственным глазам. Игра света и тени сыграла со мной какую-то злую шутку. Все – абсолютно все засвеченные снимки имеют один и тот же дефект в виде пятна. Оно на первый взгляд может показаться обычной вспышкой или бликом, отражающимся от поверхности предмета – шкафа, например. Но не в лесу, где плотные стволы деревьев подчас загораживали от меня солнце, не в комнате за диваном, когда за окном хмурилось небо и лил дождь!

Я прекрасно помню, при каком освещении я фотографировал, под каким углом. Кадры не доставались мне легко, и я не отправлял их Тиму испорченными.

Чем больше я всматриваюсь в это вытянутое пятно, тем больше замечаю: незаметные линии образуют очертания какого-то странного существа!

– Мне это напоминает бледную смазанную голову. Посмотри вот сюда, – я опять передаю камеру на экспертизу Мире. Похоже, она знает истории прошлых домочадцев поместья лучше, чем кто бы то ни было. Я ей доверяю.

– Призраки! – она всплескивает руками. – Оно слишком размыто, я не могу разобрать, что это такое, Майк. Прости! – Мира хмурится и быстро отстраняется от экрана. Она сразу же надевает свою серую куртку и застегивает молнию.

Я тоже одеваюсь и выхожу за ней на улицу, на ходу убирая камеру в сумку.

– Ты замечал что-нибудь странное, когда снимал? – Мира резко останавливается, оборачивается, и наши взгляды встречаются, когда я почти готов налететь на нее сзади. Она укрывает голову капюшоном, выглядывающие волосы мгновенно становятся мокрыми из-за дождя. Хризолитовые глаза загораются на фоне властвующей ночи, как яркие звезды. Я представляю сейчас, каково это – быть мотыльком и лететь в смертельный капкан. Я, как и мотылек, никогда не буду готов к такому повороту.

– Нет, не замечал, – коротко отвечаю я. Я давно уже забыл об этой неприятной теме. Потусторонние силы, надеюсь, будут не в обиде, если я предпочту им общество женщины.

– Вот это погода! Не страшно возвращаться одному в особняк, где нет ни души, только ты и эти странные истории?! Я бы на твоём месте уже только от этого сошла с ума!

– Мне не страшно, но ты, конечно, постаралась меня образумить. Я буду осторожней...

– Мне важно, Майк, чтобы ты был жив и здоров.

– Правда?! – удивляюсь я, бросаю косой взгляд на противоположную сторону дороги и вижу, что возле стены, на углу, кто-то стоит и наблюдает за нами. – Может, со мной поедешь? Увидишь собственными глазами дом изнутри. Ощутишь в его стенах некую загадку и...

– Майк, прекрати. Ты же знаешь, что я боюсь, и все равно...

– Я просто предложил. Если не хочешь, то и не надо.

Сначала мне кажется, что Мира колеблется, я ощущаю легкое прикосновение ее прохладных пальцев к своей ладони, но потом до меня доходит: это не ее рука – это ветер. Мира тоже замечает силуэт в темноте.

Меня охватывает легкая дрожь. Я хоть и поглядываю на джип, чтобы уехать, но не решаюсь сделать это прямо сейчас, не убедившись, что девушке действительно никто не угрожает.

– Тебя проводить до дома? – я продолжаю приглядываться к черной фигуре человека, но не могу ни разглядеть его одежду, ни угадать возраст.

Несмотря на несколько высоких фонарных столбов вдоль улицы, человеческие фигуры невозможно отличить от зданий, укрытых до самых окон вторых этажей тенями противоположных домов.

– Не беспокойся обо мне, Майкл, я в состоянии добраться домой сама. Лучше побеспокойся о себе. Тебе, должно быть, уже пора... – она машет рукой в сторону машины, пытается улыбаться, но ее движения как-то не сходятся с расширенными от страха зрачками. Как и во время разговора о Ризе-младшем, ее лицо бледнеет даже в желтом свете фонарей.

Я чую подвох. Медлю и просто решаю, как быть дальше. Уйти или остаться?

Так странно принимать тот факт, что никто, кроме нас самих, не может что-либо запретить сердцу. Все нелепые ограничения мы придумываем для своего успокоения, а потом в старости горько сожалеем о том, чего хотели, но не смогли сделать.

Когда Мира пробует обойти меня слева, я вцепляюсь в ее запястье. Она чувствует силу хватки и не может оттолкнуть меня или убежать.

– Что случилось, Майк? – ее голос дрожит.

– Я тоже о тебе волнуюсь, Мира, если ты не заметила! Мне не трудно довести тебя.

– Я пойду, – она старается высвободить руку. – Мне тоже пора, правда!

Запястье ловко выскользывает, оставляя на память моей коже тепло.

Проворно, с грацией кошки, она перепрыгивает через бордюр, становясь неразличимой в темноте и уходя в безликую ночь бледно-серым силуэтом.

Из рассказов о доме я понял: это место не так спокойно, каким кажется. Но так же я уверен в том, что этот город не так благодатен, как может показаться. Судя по всему, люди здесь весьма замкнуты, хотя сплетников на квадратный метр больше, чем где бы то ни было. Я так понимаю, что они здесь все живут сплетнями. Поэтому, естественно, нужно проводить Миру, но так, чтобы она этого не заметила.

Никогда не поверю, что людям здесь чужды человеческие страсти, что нет интриг и ссор между соседями. Должен быть хотя бы один воздыхатель, равнодушно идущий по пятам Миры Джонс.

Кстати, я его обнаружил, когда медленно подкатывал на джипе к неосвещенному пятну. Останавливаюсь, выключаю свет фар, замираю в тишине, пытаюсь не выдать своего присутствия.

Мужчина быстро настигает женский силуэт, который ежится от холода в тонкой, вымокшей насквозь куртке.

Когда я громко захопываю дверь автомобиля, никто этого даже не слышит. Мужчина уже настиг девушку, он занят только ею. Не помня себя от гнева, я бегу на выручку, поднимая при этом фонтан далеко разлетающихся брызг.

Я останавливаю мужчину и резко впираюсь ему пальцами в плечо. Среднего роста, молодой на вид мужчина, видимо, не ожидал ничего подобного, поэтому быстро уходит в сторону, будто пытается увернуться от удара. Я замечаю его безумные, страшные глаза, хотя его лицо можно даже назвать симпатичным.

Он выпрямляет спину, неубедительно расправляет плечи, будто пытается меня напугать, и первым обращается ко мне, не скрывая ненависти:

– Ты кто еще такой? Чего тебе нужно?

– Он обидел тебя? – я пропускаю его слова мимо ушей. Меня интересует только безопасность Миры.

В глазах Миры разгорается костер страха, беспокойства и ужаса.

– Что ты здесь делаешь, Майк? Я думала, ты уехал!

Ее ответ ошеломляет меня. Я стою в ступоре. Она спрашивает о том, почему я не уехал, хотя я защищаю ее от домогательств этого странного типа.

– Кто это, Мира? Ты знаешь его? – интересуется парень. Его лицо вызывает у меня приступ неконтролируемого гнева. Но он называет ее по имени – он тоже ее знает.

– Зачем ты крадешься за ней? – рявкаю я, сверля глазами крепкое тело парня. Не больше метра семидесяти двух. Ровно мне по грудь. Он тоже недоброжелательно рассматривает мою персону.

– Спокойно, ребята. Майк, я его давно знаю. Все хорошо, правда, —

Мира продолжает меня успокаивать, хотя ее лицо выражает абсолютно противоположные эмоции.

– Конечно, знает, – выпаливает тот, изображая тигра, хотя больше похож на напыщенного павлина. Курица забыла, что при любых обстоятельствах останется безобидным созданием. – Мы встречаемся, а ты кто еще такой?

– Встречаетесь?! – повторяю беззвучно одними губами. Я чувствую, будто в мое сердце вонзили нож. Наконец, я заставляю себя выдать: – Значит, все хорошо? Мира?

– А что, не видно? Или ты слепой индюк? – молодой человек поводит плечами, показывая свое превосходство.

– Нет, мы никогда не встречались, ты все придумал, – отвечает Мира.

– Не городи ерунду. Только повстречала пришлого, и сразу делаешь вид, что меня совсем не знаешь! Я тебе рожу разобью, ты слышишь меня, громила... – это уже мне.

– Слышу, не глухой, – я не теряю хладнокровия. – Значит, я могу идти?

Последний взгляд на Миру открывает ее затаенную грусть и смятение. Она замечает мое недоумение, но продолжает сдерживаться и молчать. Я не хочу становиться лишним: ссора, если таковая их пока разлучает, со временем останется позади. Я поворачиваюсь.

– Майк, осторожно! – кричит Мира, и в этот момент из моих глаз летит целый сноп искр, изо рта течет кровь. – Сбоку...

Я сплевываю на темный асфальт, поднимаю глаза. Мой взгляд не предвещает этому мерзавцу ничего хорошего.

– Не обижайся, парень, но ты сам напросился, – я приближаюсь к нему, чтобы отполировать его физиономию до кровавого блеска.

Зная, что сейчас будет, он несколько раз отскакивает от меня в стороны, как кузнечик, но я оказываюсь проворнее его. Первый удар встречает двойной подбородок, затем – левая скула, и напоследок я укладываю наглеца на лопатки.

Мне абсолютно плевать сейчас, что Мире наша драка доставляет боль. Он получает за дело. Но, кажется, я слышу женские всхлипы. С трудом отрываю пальцы от горла и плеча. Осматриваюсь. На моих ладонях кровь Риза, и мне несколько не жаль человека, которого я вижу перед собой. Он лежит на дороге и сплевывает кровавые слюни, зажимает нос, из которого ручьем бежит темная жидкость. У меня разбита губа и соленый привкус во рту. Сбоку, кажется, пошатывается зуб.

– Боже! Стив... Как ты? – жалость Миры расстраивает меня. Она жалеет того, кто хотел напасть сзади на нее, того, кто напал на меня.

Я молча наблюдаю: он садится на тротуаре, опускает свинцовую голову на колени, сплевывает кровь. Мира опускается рядом, кладет ему руку на плечо. Трогает мягко, чтобы не разозлить.

– Я тебе еще это припомню, – ядовито шипит Стив, поглядывая на меня через приподнятый локоть, и снова утыкается в колено лбом. – Выродок...

– Идем, Мира, отсюда, – внезапно выпаливаю я. Она смотрит на меня с изумлением, но без тени ненависти, поэтому я повторяю предложение: —

Пошли!

И в подтверждение своих слов протягиваю ей руку. Я уверен теперь: она не простит мой поступок. Она видела, каким жестоким я могу быть, и сейчас просто убежит от меня.

Мира осторожно встает, подходит ко мне и идет дальше, к автомобилю.

– Мы еще встретимся, ты слышишь меня?! Я тебя из-под земли достану. Мира, не уходи с ним, прошу тебя... Остановись...

Этот «храбрец» так и остается со своими жалкими угрозами и стонами наедине с фонарным столбом и дождем.

Мира сидит рядом, я завожу рычащий мотор, включаю фары дальнего света и срываюсь вперед.

Ночь быстро скрывает под своим густым покрывалом любое движение.

Я больше не могу следить через зеркала за поднимающимся силуэтом Стива Риза, который несколько секунд назад корчился от боли. Я слегка успокаиваюсь и сосредоточенно гляжу вперед, на однообразную дорогу. К тому же я жутко злюсь на себя. И корю, что не сдержался.

Мира тихо плачет и всхлипывает. Она продолжает прятать лицо за мокрым капюшоном.

– Этот Стив – тот самый друг из детства, не так ли? – разряжать гнетущее молчание такими «безобидными» вопросами было рискованно. Я не знаю, как к ним отнесется Мира. Девушка сильно расстроилась и никак не может остановить поток горьких слез.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.